

МИХАИЛ ПЕБЕДЕВ

СТАСИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Лебедев

Стасик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69867583

SelfPub; 2023

Аннотация

"Стасик" – роман о человеке, постоянно причиняющем добро окружающим. О трансформации милого, доброго, участливого мальчика в преданного слугу государства. Если угодно, Стасик – герой нашего времени. Собственно, какое время – такие и герои.

Содержание

Завет. 5	4
Часть первая. 10–21	14
Глава 1. Лорд	14
Глава 2. Шарф	34
Глава 3. Пиво	57
Глава 4. Люсинда	72
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Михаил Лебедев

Стасик

Завет. 5

Хороший день

Стасиков дед немногословен и монументален. Он сидит на диване, как памятник, когда расшалившийся Стасик, вообразив себя юным героем-альпинистом, взбирается на могучую вершину и торжествующе водружает на плечах цели восхождения воображаемый флаг первопроходца. После чего крепкие руки покорённого монумента снимают Стасика на пол. Одна с мягкой тяжестью проводит по голове внука, другая даёт ласковый увесистый поджопник вкупе с непонятным: «Ишь, какой приткий Балыбердин. Ну, беги, играй».

А собственно, чем ещё заниматься пятилетнему человеку в гостях у деда с бабой? Нет, можно, конечно, нарисовать на обоях в укромном уголке за диваном Волка из «Ну, погоди!», но это в первый раз интересно, а в третий уже и не так чтобы очень. Динозавров из пластилина они с бабушкой уже налепили на целую динозаврову ферму, картинки в книжках писателя Чуковского благополучно изучены и частью вырва-

ны от избытка эстетических чувств. В тёмной кладовке прятаться хорошо, если тебя кто-то ищет, приговаривая: «А где у нас Стасик? Деда, ты Стасика не видел?», а потом выпрыгивать оттуда с радостным воплем – сам нашёлся! Но если искателям не до тебя, то в темноте быстро становится неуютно и страшно. Впрочем, можно же и просто носиться по дому с весёлым прищизгом маленького поросёнка, которому легко и интересно жить вообще и в гостях в частности.

И тут вдруг из бабушкиной кухни донесётся запах жареной картошки. Если вы настолько старый, что вам уже, допустим, семь или даже десять лет, то ваш вкус давно и безнадежно испорчен всякими котлетами, сосисками или тортом наполеон. Но нет ничего вкуснее жареной картошки, когда ты ещё настолько юн, что не подвержен ни в малейшей степени условностям взрослого мира, где радуются куриному супу, газировке или вдруг селёдке и васаи. С жареной картошкой может иногда сравниться корка серого хлеба, с которой хорошо не сидеть за столом, а бегать по комнатам в поисках злого Бармалея, но тут уж только по отдельности: или хлеб, или картошка – вместе их ни один нормальный человек есть не станет, только удовольствие портить.

Стало быть, баба нажарила картошки и уже зовёт к столу. Картошка вкусная, спору нет, но нельзя же просто так взять и пойти на кухню есть картошку вилкой, которую ещё и нужно держать правильно, а не как удобно, в кулаке. А дед сидит в кресле у открытого балконного окна, курит свою папиро-

су и газету читает – любому понятно, что дело это скучное и никому не интересное. Обязательно нужно его привлечь к угощению картошкой, он же нам не чужой. Дед пробормочет «сейчас, сейчас», не отрываясь от газеты и смахивая дым в сторону балкона, потом затушит папиросу в смешной железной пепельнице из головы чёрта (не забыть добраться потом до неё, и да, коробок со спичками же там рядом! – их позажигать непременно, дело решённое), встанет с кресла огромный, голова под потолок, протянет руку – пойдём, дескать, Стасик, к бабушке. Сам ты бабушка, кто же так ходит на кухню, совсем ты уже, дед. Нужно встать на твои ступни, обхватить тебя за спину или что там у тебя ниже и так и идти, поднимая одновременно ноги: ты шагаешь, и я шагаю твоими ногами, только спиной. «Как обезьяна?» – «Сам ты обезьяна! Как робот!» Ничего эти взрослые не понимают.

* * *

Вкусная картошка, лучше бабушки никто её готовить не умеет. А котлету пусть они сами едят, если им нравится. Дед вон ест с удовольствием, между делом из графина себе в рюмку наливая. А баба то хлеб заставляет кусать, то руками картошку брать не разрешает. Но все равно она хорошая, добрая. Графин со стола убрала, спрятала в шкаф за стеклянную дверку. Не забыть после картошки спасибо сказать, а то они в два голоса обязательно начнут про эту свою

вежливость. Какая ещё такая вежливость, когда Бармалей не пойман и Айболит не освобождён, придумают тоже. Пусть сидят за столом, а тут уже пора бежать всех спасать. «Спасибо, баба».

Но Бармалей подождёт – здесь вдруг фашисты плывут на подводной лодке прямо по дивану, а фашисты ещё хуже Бармалея или даже Змея Горыныча, так папа говорит. Потому нужно залезть на спинку дивана, выбрать удачный момент и прыгнуть сверху на них, чтобы утопить, пока деда с бабой не видят. «А-а-а!» – этот диван плохой, он взял и выбросил вниз с подлодки на стремительно вырастающие перед глазами доски крашеного пола, который больно ударил по голове. Плохой пол! «А-а-а! Не дуй на шишку, баба, ты тоже плохая! Вы фашисты, я вас не люблю, я вас буду бить и пинать! А-а-а!» Нет, пусть, пусть баба меня качает на руках и спрашивает: «Где, Стасик, больно? Где?» А я всё равно её буду царапать, потому что все вы плохие, вот почему. «А-а-а!»

И тут дед говорит: «Нельзя так, так нельзя». И отбирает раненого героя из успокоительных бабушкиных рук, и кладёт его на этот предательский диван, и уводит бабу на кухню, и закрывает за собой дверь, и как теперь жить? Совсем они уже. «А-а-а!» Но ведь скучно громко рыдать одному, если они такие, если обижают, а сами не хотят дуть на шишку и гладить по голове. «А-а-а! А-а! А!» Ну и пусть тогда живут сами, отдельно. Пусть отведут домой к маме с папой, там мультики в телевизоре и ножницы знаю где лежат. А ножни-

цами можно новый мамин ремень порезать на красные лаковые кусочки, потому что это красиво и весело, и чтобы папа никогда не грозил им меня по попе ударить, если я ещё раз буду пробовать на вкус землю из цветочного горшка. Здесь на кухне тоже цветы у бабы растут, между прочим. На подоконнике у холодильника. А в холодильнике прошлый раз мороженое было, а вдруг и сегодня есть? Если есть, то баба с дедой хорошие, я их люблю. А если нет, тоже люблю. И шишка на голове уже не болит, просто выросла. «Баба, а почему на голове шишка и на ёлке шишка?» Ладно, так и быть, съем это их мороженое, если сами предлагают. Вкусное, вон и дед подмигивает, понимает.

* * *

Пусть он поднимет меня на подоконник, посмотреть, что там во дворе. Ух ты! Машины стоят: «москвич», «жигули», а это грузовик «зил стотридцать», а может, «газ», тут трудно запомнить, как их папа называет. А дед отпустил, сказал: «Держись крепко, а то вторую шишку набьёшь». Не хочу шишку, буду держаться за эту ручку, смотреть, как дворник свою голубятню открывает. Там интересно, там почтари, дутыши, турманы и ещё какие-то: он нам с мамой показывал, когда мы в прошлый раз подходили. Дворник на Бармалея похож, но мама сказала, что Бармалей давно бы этих голубей съел, а не любил бы их, не кормил, в небо бы не запускал.

Так что в дворнике больше от Айболита, чем от Бармалея, объяснила мама. Похоже, так, можно согласиться.

Деда опять себе в рюмку из графина налил, прямо в шкафу. Как будто он бабу боится. Да нет, взрослые никого не боятся, чего зря на них придумывать: дед может и ремень ножницами порезать, и землю из цветочного горшка попробовать, и ничего ему за это не будет. Вот ведь можно, а не делает. Странные они. Хоть ту же бабушку взять. «Стасик, помоги мне носок распустить», – сказала давно ещё, зимой. Распускали вместе с ней: тянешь за толстую нитку, она дёргается смешно, а носок всё меньше и меньше становится. И всем весело и радостно, как я носок уменьшаю. А недавно увидел знакомый клубок со спицами, в него воткнутыми, и нитку, тянущуюся к какой-то тряпке, – на кресле лежали. Тряпка эта так быстро уменьшилась, что и клубок в нитке, из неё получившейся, запутался, в футбол им не попинаешь даже. А баба пришла, рассердилась: «Что же ты, Стасик, натворил, два дня работы угробил. Свитерок тебе вязала ведь». Ну, бабушка долго сердиться не умеет – сразу мне слёзы вытерла и кусок хлеба со смородиновым вареньем дала. С молоком. Вку-усно. Но они, правда, странные.

Всё, надоело во двор смотреть, снимай меня, дед. Да не на пол, а себе на спину: поедем верхом. Какая ещё конница Будённого? Не выдумывай. Ты будешь осликом или, по-другому, ишаком, а я Ходжой Насреддином, мне мама читала. А ещё папа пел под гитару смешную такую песню про «бри-

чмулу». Но, но, ослик, поскакали в большую комнату.

Ну и что, что тут игрушки разбросаны? Ты их потом соберёшь, или баба соберёт. Потому что разбрасывать весело, а собирать скучно – это взрослое занятие, не детское. Ладно, давай вместе собирать, если бабушке трудно наклоняться. Она придёт из гастронома, а мы с тобой уже всё убрали, мы молодцы будем.

* * *

Устал, пусть дедушка один дальше. Вот он уже и коробку с кубиками поставил на полку, рядом сел, руку на плечи положил, гладит по голове шершавой ладонью. Приятно. Разговорчивый он какой-то сегодня, на себя не похож. «Не то хорошо, Стасик, – говорит, – что ты делаешь доброе дело, когда тебя попросят. Ты сам должен понимать, когда твоя помощь необходима. Бывает так, что люди и не просят, – или потому, что гордые, или не верят в свои силы, или смирились с неизбежной бедой. А ты потихоньку возьми и помоги им справиться. И будешь ты такой тихой скорой помощью, без сирены, без мигалки, без воздаяния за доброе дело. Тимуровцы так в наше время делали, но они целыми отрядами справлялись, с дисциплиной, с клятвами всякими, а это лишнее. Каждый человек должен быть для другого опорой и поддержкой, даже для совсем чужих людей, не говоря уже о близких. К этому стремиться нужно людям, тогда и к ком-

мунизму придём, или что там нам партия обещает. Не бойся творить добро, Стасик, и оно обязательно вернётся к тебе сторицей. Не бойся творить добро».

Скорей бы вырасти, чтобы понимать всякие взрослые слова: «коммунизм», «воздаяние», «сторица». Но и без них понятно, что помогать людям – это хорошо и правильно. Как бы нам бабе помочь, пока она в магазине? Чтобы пришла и порадовалась. Игрушки-то мы с пола уже убрали. А, дед?

Ну, точно же! Бабушка ведь никогда не додумается саму себя из пластилина вылепить, ей некогда. Смотри, деда, какую я голову бабе выкатал круглую, а ты всего только две руки и две ноги сделал. Вот так мы их к туловищу прилепим, а к голове уши и волосы тонкими колбасками. Отличная бабушка получилась, очень похожая. Обязательно обрадуется, когда вернётся. Иди, иди к своему графину, я сам тут доделаю.

Ну нет, так на подоконнике она может и не увидеть себя сразу, а нужно, чтобы сразу, чтобы захлопала в ладоши, радулыбалась и сказала: «Вот же какой молодец у нас Стасик! Как живую меня вылепил!» И, наверное, ещё мороженого даст тогда. Лучше прилепить бабу к окну, на твёрдое стекло, тогда сразу заметит. Вот так, и ещё солнце налепить большое, жёлтое, с лучами, а то сегодня на улице тучи, а нужно, чтобы хорошо было, ласково.

Вот и дверь входная хлопнула, и дед сумки бабушкины из прихожей понёс на кухню. Сейчас она войдёт, а я как будто

и ничего, я просто книжку Агнии Барто читаю, вот здесь, про бычка. Пусть сама увидит и обрадуется. Дед вернулся, подмигнул, палец к губам прижал. Поискал глазами пластилиновую бабу, увидел, что я её на стекло приклеил, как-то странно глянул на меня да рукой махнул.

Вот и бабушка, и сразу карамельку мне из гастронома. Эй, дед, отойди от окна, ей же не видно, какую красоту Стасик вылепил. Вот я сейчас тебя оттолкну с разбега двумя руками.

Ага, увидела! «Это кто же такую бабушку слепил? Деда, наверное?» Совсем ты уже, баба. Дед помогал мне только, а я сам и голову, и уши, и глаза, и волосы. И на окно сам догадался, а то бы ты до вечера себя красивую пластилиновую не увидела. Подняла на руки, поцеловала: «Очень красивая я у тебя получилась, молодец, Стасик». И понесла на кухню, уговаривая кусочек колбаски съесть, докторской. А деду за спиной зачем-то сказала: «Сам будешь завтра окна мыть, я и порошок купила». Дедушка вздохнул только.

* * *

Вечером пришла мама, мы ей тоже бабушку на окне показали. Мама похвалила: «Молодец, умеешь». А баба сказала: «Дедовы проделки». Хотел объяснить, что не дедовы эти проделки, а исключительно мои, но зевать хотелось больше. Потом шли с мамой домой по улице с фонарями, она спросила: «Хорошо день провёл, Стасик?» Очень хорошо, у деда

с бабой всегда хорошо день проводить, только спать к вечеру хочется – они укладывают днём, но никак у них не спится, всё там такое новое, интересное.

Потом вспомнил: «А ты знаешь тихую скорую помощь?» Мама задумалась: «Нет, не знаю, расскажи». И Стасик рассказал, что нужно незаметно творить добро всем и каждому, это и есть тихая скорая помощь. Вот как сегодня мы бабушку слепили, чтобы её порадовать. Дед ещё слово такое сказал про это, «сервиз», что ли. «Сюрприз, – поправила мама. – Ну, вам с дедом виднее».

Конечно, виднее, мы с дедом настоящая тихая скорая помощь. Всегда буду стараться творить добро. Очень хороший день сегодня, только спать сильно хочется.

И Стасик снова зевнул – долго, с тонким подвыванием. Мама засмеялась и взяла Стасика на руки.

Часть первая. 10–21

Глава 1. Лорд

– На, Стасик, – Витька Отчалов протянул жевательную резинку в яркой обёртке. – «Дональд», со вкладышем.

– Ух, ты! Спасибо, Витя, – жвачка с утёнком была символом пацанячьего счастья в скудные времена ярких лозунгов и пустых прилавков, оттого Стасик подобные подарки товарища принимал с искренней и радостной благодарностью.

Витькина семья принадлежала к категории прорабов перестройки, Стасикова – к обществу счастливых обладателей талонов на мыло и сахар. Впрочем, в штабе социальное неравенство никакого значения не имело.

Сам штаб дислоцировался в густых зарослях кустарника у подножия старого клёна, на который легко взбираться по наклонному стволу, чтобы запускать вниз пригоршни кленовых вертолётиков, медленно планирующих на крыши окружающих гаражей. К тайному укрытию, кроме Вити и Стасика, были допущены Игорь Смирнов – рослый очкарик из третьего подъезда, известный тем, что в запале драки до крови разбил нос Вовке, среднему из хулиганистого семейства Рыжовых, и Витькина младшая сестра Лера, которую всё равно приходилось таскать с собой во время долгих и счастли-

вых летних каникул. Сегодня её повезли родители на своей «ладе-девятке» удалять какой-то неправильный молочный зуб, и друзья наслаждались ровным течением дня, уютно расположившись за столом из магазинных ящиков под штабной крышей, крытой обрывками рубероида, прибранными на недалёкой стройке.

* * *

На узкой тропинке, проложенной в кустах, послышался шум. Стасик направил в подозрительную сторону втайне от мамы изготовленный папой деревянный пистолет с боевой частью из натянутой резины. Витёк приготовил к броску гранату из ударного целлофанового пакета, наполненного водой, и отдал строгий приказ:

– Стоять на месте! Пароль!

Шаги замерли, из кустов донеслась фраза:

– «Боюсь, что вам известен мой любимый коньяк». Отзвыв?

Стасик положил пистолет на стол.

– «Не считайте себя фигурой, равной Черчиллю», – Витёк расслабился и добавил уже от себя: – Проходите, дружиче, не стесняйтесь.

Из кустов выбрался улыбающийся Игорь, выпрямился в полный рост: «Привет, штирлицы». Штирлицы чинно пожали коллеге протянутую руку. Игорь учился в параллель-

ном 3 «А», и межклассовые противоречия делали друзей тайными разведчиками внутришкольных формальных сообществ. Стасик с Витей рассказывали Игорю о повадках их одноклассника Вовки Рыжова, а Игорь делился наблюдениями за своей классной руководительницей Ольгой Викентьевной – самой красивой из школьных педагогов, по их общему непредвзятому мнению. Игорёк сел на свободный ящик. Помолчали.

– Пошли на котлован? – предложил Стасик.

Котлован под строительство многоэтажного дома на соседней улице был вырыт лет пять назад и так с тех пор и стоял, наполненный талой и дождевой водой. Там у друзей был пришвартован к бетонной опоре хлипкий плот, с которого Витька навернулся посреди очередного водного путешествия на прошлой неделе.

– Да ну его, – предсказуемо отверг приглашение незадачливый котлованолавец. – Давайте лучше в арсенал.

– Там ничего нового, скучно, – в свою очередь не согласился Игорь.

Военный оружейный склад так и назывался – «Арсенал». И автобусная остановка за углом тоже называлась «Арсенал». Зарубежным шпионам никакие свои штирлицы не были нужны, чтобы разведать расположение секретной воинской части. Весь город знал, что на улице Чапаева за длинным бетонным забором размещены длинные армейские хранилища, к которым подведены рельсы от Второго разъезда.

Тоже мне, военная тайна.

Ещё в прошлом году через две дыры в заборе окрестные горожане срезали угол между Чапаева и 1-й Военной, чтобы пройти через арсенал к Нижнему гастроному, где чаще, чем в Верхнем, «выбрасывали» колбасу, масло и туалетную бумагу. Слух о возможности отоварить талоны быстро разносился по близлежащим кварталам, и конец очереди, бывало, начинался аккурат внутри воинской части с грозным названием. Весной дыры в заборе заварили металлическими решётками, как будто они кому-то мешали проползти под бетонной плитой в трёх десятков шагов дальше. Но действительно, месяц за месяцем ничего нового и интересного в арсенале не происходило, если не считать бурного прорастания зарослей чертополоха вокруг хранилищ боеприпасов. Ну, один раз в нём можно шаров с колючками набрать, чтобы бросаться потом в девчонок, ну, повторить экспедицию, а в третий раз и правда скучно.

– А вы кем хотите стать, когда вырастете? – вдруг задал трудную задачу Игорёк.

Стасик задумался. Ещё месяц назад он перед сном представлял себя бравым пожарником, который может отважно спасти из огня любого, даже кудрявую Марину с первой парты. Но за прошедший каникулярный июнь облик Марины-хохотушки как-то поблёк, как и всё связанное со школой. Теперь больше всего хотелось снега и зимы.

– Не знаю, хоккеистом, наверное, – неуверенно ответил

Стасик.

– Мне бы и в голову не пришло, – похвалил Игорёк. – А ты?

– Пограничником, – сразу и убеждённо ответил Витя. – Только кинологом, это такой пограничник, который всегда с собакой.

– Я знаю, – Игорь поправил очки. – Армию любишь, дисциплину? Чтобы в военной форме ходить и девчонкам нравиться?

– Я собак люблю, – вдруг зло огрызнулся Витька. – При чём тут девчонки?

– Девчонки всегда при чём, – авторитетно заявил Игорь. – У меня Эдик так родителям отвечает, когда они его ругают за выпендрёж внешнего вида. А брату восемнадцать уже в сентябре исполнится. Ладно, забудем про них. Так заведи себе собаку, если любишь, в чём проблема?

– В родителях, – глаза Витьки неожиданно набухли слезами. – Папа говорит, что на породистую служебную очередь в кинологическом клубе. И он вообще против, потому что собака – это ответственность, а я даже постель за собой не убираю, если один дома остаюсь.

– Такая же песня и у моих, – вздохнул Стасик. – Так ты застилай постель-то, тебе важнее.

– Да я что угодно готов делать, но они же не верят! Мама говорит, что позволила бы пекинеса, но боится аллергии у Леры. А мне и не нужен её пекинес, я большую собаку хочу,

настоящую!

Витька сердито утирал со щёк обидные слёзы. Ребята понимали, молчали сочувственно.

– Ты вот что, Вить, тебе вот как нужно сделать, – Игорёк решительно стукнул кулаком по колену друга. – Просто приведи домой собаку, возьми и приведи, сам приведи, не рассчитывай на них. Родители поругаются, конечно, для начала, сильно будут ругать. А потом сами её полюбят, потому что собаку нельзя не любить, если она уже рядом с тобой, если она уже дома. Вот и всё, вот и решится дело.

– Да где её взять-то? – всхлипнул Витя. – Собаки на улице не валяются.

– Ещё как валяются, – поправил Стасик. – Кому ещё валяться на улице, как не собакам.

– Пьяным ещё, – уточнил Игорьь. – Пьяные, бывает, на улицах валяются.

Друзья рассмеялись точному дополнению. Слёзы у Витька совсем уже высохли.

– Значит, собак любишь? – зачем-то отдельно уточнил Стасик.

– Даже больше вас, – показал язык Витька. – Ладно, пошли на котлован, я сегодня на всё уже согласный.

* * *

Игорю давно надоела эта игра в пароли и отзывы, он и го-

ловы не повернул на шум из-за кустов – свой кто-то, больше некому. Однако вместо Витьки или Стасика к штабу вышла собака: крупная, непонятного светлого окраса в лёгкую рыжину, с вислыми ушами и добрыми глазами.

– Не бойся, – за собакой к столу выбрался Стасик, держащий в руке верёвку, другой конец которой замыкался на псине наподобие ошейника. – Это Лорд, он добрый. Привет.

– Я не боюсь, – почти не соврал Игорь. – Привет. Садись, рассказывай.

Собака деликатно обнюхала стол и неожиданно, боднув широким лбом руки Игорька, села рядом с ним и положила башку ему на колени. Стасик привязал свой конец верёвки к ветке куста и объявил:

– Вот, подарок Витьке. Помнишь, он позавчера тут сопли распустил?

– Ого, – обрадовался Игорь. – Это ты гениально придумал, отличная собака. Где взял?

Стасик отвернулся в сторону гаражей, пожал плечами:

– Долгая история, неважно. Смотри, какой красавец, никакие родители не откажутся от такой собаки. Да же?

– Да же.

Игорь осторожно погладил пса по голове, почесал за ушами. Тот сразу завалился на бок, предлагая к почёсыванию розоватый лохматый живот.

– Лорд, говоришь?

– Ага.

– А порода какая?

– Неизвестная, – пожал плечами Стасик. – Но точно не дворняга, за это ручаюсь. Витёк не появлялся ещё?

– Не видел, я недавно пришёл, – заметно было, что Игорёк продумывает план действий. – Значит, так: я сейчас домой быстро сбегаяю за детской энциклопедией – там картинки со всякими породами собак, чтобы определиться с этим твоим Лордом. И по дороге Витьке позвоню из автомата, чтобы быстро сюда шёл. У тебя двушка есть? Давай.

Игорь уже собрался поднырнуть на тропинку в кустарнике, но опять выпрямился в сторону Стасика:

– Он бутерброды ест?

– Витька? – удивился несуразности вопроса временный хозяин собаки.

– При чём тут Витька? Лорд.

– А. Он всё ест, кажется, – не вполне убеждённо ответил Стасик.

Игорёк ушмыгнул в кусты, только ветки затрещали.

Стасик притянул ещё качавшуюся ветку акации, сорвал стручок, сделал свистульку, попищал в неё. Лорд встал, насторожился и неожиданно гавкнул низким басом. Сделав вид, что не испугался, Стасик встал, поднял вверх согнутую правую руку и сказал: «Сидеть!» Лорд сел. «Стоять!» Лорд встал. «Рядом!» Лорд обошёл юного дрессировщика и аккуратно встал с правой стороны. «Лежать!» Лорд лёг. «Вот так-то», – удовлетворённо заметил Стасик и пожалел, что нет

под рукой игоревского бутерброда, чтобы поощрить пса: он видел в киножурнале «На службе Родине», что так работают со служебными собаками военные кинологи. А то, что Лорд – собака умелая, опытная, и без того всякому было понятно.

Поощрительный бутерброд с колбасой появился в штабе через десять минут вместе с запыхавшимся Игорем. Лорд проглотил бутерброд в один приём и завилял лохматым хвостом, наблюдая, как пацаны с немалым азартом доедают свои подкрепительные сухпайки.

– В энциклопедии нифега про такую породу не нафёл, – объяснил с набитым ртом Игорёк. – Но дома Эдька был, подсказал по описанию: это золотистый ретривер, служебная порода и охотничья, редкая в России. И где ты его только отыскать сумел?

– В общем, тут такая история, – решил объяснить Стасик, но в этот момент из кустов скороговоркой донеслось «боюсьчтовамирзвестенмойлюбимыйконьяк» и к штабу вывалились Витя с Леркой.

– Ух, какой! – заорал на все гаражи Витька и сразу хотел броситься обниматься с собакой, но на секунду притормозил. – Не кусается?

– Если только ты душман, – успокоил Стасик.

И Витёк с размаху кинулся обнимать пса, за ним с опаской подошла Лера, погладила собаку по голове. Лорд только вздыхал и вдруг лизнул девочку по всему носу широченным языком. И все захохотали от внезапного счастья. И Лорд, по-

казалось, тоже.

– Это мне? – никак не мог поверить Витька. – Ты, Стас, да? Вот спасибоще. Ох, какой. А он слушается?

Стасик степенно встал, показал класс дрессировки. Лорд не подвёл. Лера хлопала в ладоши.

– Лерка, ты только дома молчок, – Витёк суетился, никак не мог прийти в себя от свалившегося на его голову счастья. – Я сам, потом. Может, его здесь пока, а? Конуру соорудим. Вы как?

Игорь погладил собаку, поправил очки.

– Да ну, – отверг малодушное предложение. – Лучше сразу. Родители на работе? Вот и забирай. Миску ему там пока подберёшь, место покажешь, коврик найдёшь какой-нибудь. Они придут, а он уже освоился. И кто такого красавца потом на улицу выгонит? Ты за, Лера?

– Я за! – завопила мелкая. – Я ещё как за!

И начала тормозить Лорда за уши и целовать в морду. Пёс смущённо вилял хвостом.

Потом они все потренировались в выполнении кинологических команд. Лорду было всё равно, кого слушаться – хоть Витю, хоть Игоря, хоть Лерку. Он беспрекословно и спокойно исполнял приказания ребят, как будто они были его хозяевами всю жизнь. Витька совсем успокоился, только не сводил с пса влюблённых глаз.

Наконец Витёк отвязал от куста верёвочный поводок и совсем уже собрался домой вместе с Лордом. Подошёл к Ста-

сику, протянул руку: «Я тебе этого никогда не забуду». И вдруг обнял друга, не стесняясь телячьих нежностей. Дал команду «Лорд, вперёд!» и потянулся за собакой в кусты, из которых донеслось: «Я вечером позвоню, как всё прошло!» Понятно, что Стасику – у Игоря дома телефона не было.

* * *

Стасик читал у себя на диване рекомендованную позавчера папой книгу про собак «Джерри-островитянин» писателя Джека Лондона, когда в комнату постучалась мама: «Не спишь? Иди, тебя Витя к телефону. Возбуждённый он какой-то». Трубка сразу заорала Витькиным голосом: «Всё, ура! Всем понравился, Лорд наш! Он уже кашу вчерашнюю поел, и я его на прогулку сводил. Теперь у меня есть собака!» Стасик еле его успокоил, чтобы прояснить подробности. Выяснилось, что первой с работы вернулась мама, очень удивилась, но Лорд её быстро очаровал, «как он умеет», и мама сказала: «Что ж, я не против. Но последнее слово остаётся за папой». Потом пришёл папа, и вначале они долго говорили в спальне с мамой. Затем папа собрал всю семью и объяснил, что ничего ещё не решено, он подумает до завтра, но тут вступила в дело Лера, забралась к нему на колени и стала рассказывать, как они уже с Лордом подружились и как им всем теперь хорошо и весело будет жить. Папа сдался, сказал: «Ладно, посмотрим. Пусть живёт пока. Но если я ещё

один раз увижу незаправленную кровать...» И тут Лорд к нему подошёл и протянул лапу. И всё на этом закончилось. И Витька теперь вечный должник Стасика, только тому нужно на днях обязательно прийти и рассказать Витькиным родителям, откуда он взял такую чудесную редкую собаку. Но это уже не важно, поскольку в неё все влюбились и никто Лорда никогда не решится теперь выбросить на улицу.

На другой день Витин отец купил для домашнего питомца настоящий поводок с настоящим строгим ошейником, и Витька важный ходил с Лордом по двору. А потом они все носились с ним и по ипподромному пустырю, и по спортивной школьной площадке, и катались на плоту по котловану. И так прошло три счастливых Витькиных дня. А на четвёртый вечер мама опять оторвала Стасика от «Джерри-островитянина»: «Одевайся, пойдём к Вите». И мамин ровный голос не предвещал ничего хорошего от этого похода в гости. То есть совсем ничего.

* * *

Дверь открыла заплаканная Лера и провела их в большую комнату, где за круглым столом мирно пили чай Витькины родители и ещё незнакомая женщина и худой старик в чёрных очках. Лобастая голова Лорда лежала на его коленях. Витька видно не было.

– Здравствуйте, – поздоровалась мама Стасика.

И Стасик вежливо сказал:

– Здрасьте.

– Добрый вечер, Елена Дмитриевна, – отозвалась Витина мама. – Здравствуй, Стас.

Женщина и старик тоже поздоровались, а папа Витьки вздохнул:

– Не уверен, что вечер такой уж добрый. Вот стулья, присаживайтесь к чаю. Извините, Герман Егорович, продолжайте.

– Да, в общем, я уже, считай, закончил, – старик отхлебнул из чашки, глядя строго перед собой в полированную румынскую стенку за спинами хозяев дома. – С эшелона маршем выдвинулись в сторону города Эссен, там нашу колонну и разбомбили. Последнее, что запомнил: летит на наш грузовик самолёт с крестами на крыльях, очень низко летит, потом вспышка – и всё. Про победу я уже в госпитале узнал. Так что ничего особо геройского нет в моей биографии, я ни разу по немцам выстрелить даже не успел. Родительский дом, потом школа, экскурсия на войну, дальше – темнота. Вот и всё. Благодарю за чай, и печенье у вас очень вкусное. Нет, больше не хочу, Евгений Олегович, спасибо.

Старик аккуратно поставил чашку на блюдце, продолжая смотреть выше голов сидящих за столом.

– Ладно, – не стал спорить дядя Женя. – Что ж, теперь ты, Стасик. Не возражаете, Елена Дмитриевна?

Мама не возражала, и Витькин папа попросил:

– Расскажи правду, как ты раздобыл эту собаку, которую потом презентовал Вите.

И Стасик рассказал, как папа его отправил в Нижний гастроном купить подсолнечного масла, потому что оно закончилось, а папа хотел пожарить курицу к маминому возвращению, у него выходной был. И у магазина сидела вот эта собака, привязанная к металлическому ограждению газона, у неё ещё такая рамка была к ошейнику прикреплена, которую он потом, когда уже к штабу шёл, в кустах там недалеко спрятал. Масло в отделе закончилось, обещали после обеда завезти, сказала продавщица, и Стасик вышел, хотел погладить собаку, но боялся, а потом все равно погладил, а она позволила. И такая эта собака была хорошая, что Стасик сразу подумал, что она – живая мечта Вити, а Витя жить без собаки не может, так её хочет, и что Стасик, как его верный друг, не может допустить, чтобы тот ещё раз заплакал, оттого что родители не хотят собаку. Тогда Стасик отвязал её и повёл с собой прямо в штаб, чтобы потом отдать Вите, потому что нельзя, чтобы человек так мучился. А пока шёл, придумал, что собаку будут звать Лорд, как в одном кино кого-то называли про рыцарей. Лорд не возражал, слушался. Потом он передал собаку Вите, а дальше все и так уже всё знают.

Перед рассказом Витина мама привела сына из спальни. Витька тоже был зарёванный, сидел, слушал, хмуро грыз печенье.

– Хорошо, – Витин папа потёр виски. – Хотя в целом ни-

чего хорошего. Но почему ты сразу не сказал Вите, откуда у тебя собака? Он бы никогда её не взял при открывшихся обстоятельствах. Так, Виктор?

Витька пожал плечами, глянул на Стасика исподлобья, но показалось, что чуть ему подмигнул, вернее, поддерживающе моргнул обоими глазами. Никто и не заметил.

– Вот, не взял бы, – ответил за Витьку Евгений Олегович. – В любом случае, прошу всех нас извинить за случившееся недоразумение.

– Ничего, бывает, – отозвалась незнакомая Стасику женщина. – Время позднее, мы, пожалуй, засиделись у вас. Папе завтра вставать рано, ему очередь нужно будет занять за заказом в ветеранском магазине. Пойдём, мальчик, покажешь, где ты шлейку спрятал. Ну, ту самую рамку, которую ты от Тёплого отцепил.

– Какого тёплого? – не понял Стасик.

– Вот от него, – кивнула на Лорда женщина. – Его Тёплый зовут, с самого его щенячества.

– Завтра, – вмешалась мама. – Завтра они всей своей тёплой компанией принесут эту шлейку, обещаю. С самого раннего утра. Сейчас действительно уже поздно.

– Хорошо, – не стала спорить женщина. – Адрес мы Ольге Владимировне оставили. Пойдём, папа.

Старик поднялся из-за стола. Он оказался на голову выше Витькиного отца. Дочь взяла его под руку, повернула в сторону двери, Лорд, то есть Тёплый, встал у правой ноги хозя-

ина, как и положено грамотной собаке-поводырю.

– Подожди, Маша, – сказал старик и протянул руку в сторону Стасика. – Подойди, мальчик.

Стасик подошёл. Старик положил ему руку на голову, повёл тёплой ладонью по лицу.

– Ты хороший парень, – сказал старик. – Я давно живу, мне шестьдесят один год, и я вижу людей лучше многих зрячих. Ты просто хотел помочь другу, очень хотел. Но так вышло, что Тёплый мне нужнее, чем ему. Никто тут не виноват. Не казни себя, и вы его не ругайте, пожалуйста.

Старик кивнул в сторону мамы, и они ушли вместе с Тёплым – Лордом. Тот даже не обернулся.

– Ладно, старики-разбойники, – подводя итог вечеру трудного дня, обратился к ребятам Евгений Олегович. – Что сделано, то сделано, обратно фарш не прокрутишь. Надеюсь, этот случай послужит вам уроком на всю оставшуюся жизнь. Не знаю, какие меры примут Елена Дмитриевна и Александр Витальевич, а тебе, Виктор, я сообщаю, что в клубе служебного собаководства через месяц должна была подойти моя очередь на щенка породы колли, такой мой должен был быть тебе сюрприз. Так вот, завтра я очередь свою сниму, потому что вижу, что ты ещё не дорос до ответственности за тех, кого мы приручаем. С другой стороны, я отчётливо понимаю твоё желание иметь собаку и потому обещаю вернуться к этому вопросу ровно через двенадцать месяцев, 29 июня 1988 года. Больше не смею тебя задерживать, скажи гостям

«до свидания» и ложись спать.

– И нам пора, – отставила пустую чашку мама. – Попрощайся, Стасик, пойдём домой, папу «порадуем» твоим поступком.

Стасик сказал «спокойной ночи» и поглядел на Витьку. Тот вяло махнул рукой и отправился в свою комнату.

В прихожей мама Вити попросила за Стасика:

– Вы уж не очень с ним строго, он хотел как лучше, Елена Дмитриевна.

– Разберёмся, Ольга Владимировна. До свидания.

* * *

На улице мама молчала, а Стасик пытался продавить внутрь комок под горлом, который подступил во время расставания со слепым стариком Германом Егоровичем. У подъезда Игоря мама сказала: «Быстро, пять минут». И села на лавочку с отстраненным выражением лица.

Стасик бегом взлетел на третий этаж, позвонил в пятьдесят седьмую квартиру. Дверь открыл Эдик с сигаретой и серьгой в ухе: «Привет. Игорян спать уже лёг. Сейчас». Игорь вышел на площадку в трусах и накинутой на плечи ветровке, выслушал краткое изложение вечерних событий, сказал: «Ну ты даёшь. Ладно, завтра встречаемся у подъезда в полвосьмого утра. Схожу с вами попрощаться с Лордом».

До дома шли с мамой молча.

Папа выслушал подробный мамин доклад на кухне, почесал бороду и отреагировал словами Игоря:

– Ну ты даёшь, старик, – и уточнил у мамы: – А родители Вити как нашли настоящего владельца этого Лорда?

– Так Евгений Олегович сразу заподозрил неладное, расклеил по району объявление о том, что нашлась собака, ретривер. Вот они и пришли... Господи, стыдно-то как мне было, Саша. Ты представить себе не можешь.

– Могу, почему не могу, – ответил папа, полез в холодильник, достал початую трёхлитровую банку пива, налил в стакан, поинтересовался у мамы: – Будешь?

– Буду, – сказала мама и заплакала.

Стасик тоже хотел заплакать, но у него никак не получалось, хоть тресни.

– Ты же сам всё уже понял, старик? – спросил у Стасика папа. – Ты же больше так не будешь?

Стасик быстро и резко закивал головой – раз пять, наверное, или десять.

– Тогда ладно, проехали. Фронтоник, говоришь, этот старикан был? Подожди, закрепим урок.

Папа сходил в комнату, вернулся с гитарой. У него на всякий жизненный случай всегда находилась песня, Стасик привык. Мама уже не плакала, тихонько пила своё пиво.

Подтянув пару струн, папа задумался, а потом начал медленным перебором:

Над землёй бушуют травы,
облака плывут, как павы,
а одно, вон то, что справа, —
это я, это я, это я,
и мне не надо славы...

Мама прерывисто вздохнула и негромко подхватила – у них всегда хорошо получалось петь вдвоём, Стасик любил их слушать. И лишь когда под гитарной струной возникли строчки:

Эта боль не убывает,
где же ты, вода живая?
Ах, зачем война бывает?
Ах зачем, ах зачем, ах зачем,
зачем нас убивают?.. —

лишь тогда комок в горле у Стасика лопнул и прорвался ручьём самых горьких в его жизни слёз. Он плакал навзрыд у себя на диване, плакал о своей вине, о Витькиной беде, о давней войне, о том, как тяжело и страшно обидел своих родителей. Плакал и не мог остановиться, только сквозь рыдания прорывалось: «Прос...тите ме...ня. Прос...тите...»

Мама тоже плакала и гладила его по голове. Папа поправлял одеяло и говорил: «Не надо, старик. Всё уже прошло, теперь всё будет хорошо. Нынче не получилось, а следующим летом возьмём маму, байдарку и поедem с тобой на речку Хо-

лодную, на Урал. Там знаешь, какая вода? Чистая, звонкая, хрустальная: прямо с борта можно кружкой черпать и пить. Хариусов станем ловить, на костре их готовить, на звёзды смотреть, в палатке ночевать. Я тебя грести научу, мы с тобой и порог какой-нибудь пройдем. Знаешь, что такое порог?.. Вал метровый... мы о камень бортом... Петька на берег выплыл... спички мокрые...»

Так Стасик под разговор про речку и заснул. Приснился ему старик Герман Егорович, только молодой, в пилотке, гимнастёрке и с автоматом ППШ на шее. И Лорд рядом с ним, конечно, – в смысле, Тёплый. А старик вдруг снял свои тёмные очки и посмотрел на Стасика. И глаза у него были весёлые, живые. Не мёртвые.

Глава 2. Шарф

Игорь грёб неумело, но старательно. Стасик удобно умо­стил ноги поверх рюкзака и подавал начальственные коман­ды с кормы: «Левым табань! Под берегом идём! По струе держи!» Двухместная резиновая лодка рыскала носом по всей ширине реки, но в общем и целом выдерживала верное направление в кильватере за родительской байдаркой.

Собственно, по такой речке особенно и не разрыскаешь­ся: расстояние между берегами, заросшими тяжёлыми, скло­нявшимися до водной глади ивами, редко превышало два­дцать-тридцать метров, но Стасик, как официальный капи­тан судна, не мог позволить команде самостоятельно выби­рать траекторию движения. «Река несложная, препятствия простые, но вода шуток не понимает. Приказы капитана вы­полняются быстро и точно, не обсуждаются, не оспаривают­ся. Это главная заповедь водного туризма», – так вчера ин­структировал группу Адмирал, он же папа Стасика Алек­сандр Витальевич. Команда в лице матроса Игоря Смирнова указания капитана лодки не оспаривала, поскольку имела в туристической иерархии квалификацию первохода-чайника и никак не могла сравниться с уровнем многоопытного вод­ника, прошедшего в прошлом году на байдарке уральскую реку целой второй категории сложности.

В том первом своём походе Стас Кружков научился пони-

мать команды «табань!», «ход!», «чалка слева!», «суши вёсла!» и по его завершении получил заслуженный удар веслом ниже спины, стоя на четвереньках над байдаркой: так с незапамятных времён проводился обряд посвящения в водники у покорителей горных и прочих рек. Посвящал Стасика опытный Адмирал всей многочисленной группы, включавшей и байдарку семейства Кружковых. Говорят, он когда-то ходил на катамаране-двойке далёкую и страшную Оку Саянскую и оттого был в турклубе «Веслоход» личностью заслуженной, если не сказать легендарной. Получить от Адмирала байдарочным веслом по ягодицам считалось делом почётным и перспективным в плане дальнейшего развития воднотуристической личности.

«Куда?! – отвлётся от воспоминаний Стасик. – Под расчёску тащит! Уходи вправо!» Игорь грамотно добавил ход левым, притабанил правым, сделал несколько гребков, глянул вопросительно. «Хорош, суши», – успокоительно командовал капитан. Говоря по правде, от нижнего края «расчёски» – она же наклонившаяся к воде ель с острыми, тянувшимися вниз ветками – до лодки по высоте было никак не меньше двух метров и судно вполне могло пройти под ней без всякого аварийного риска, но, во-первых, «чайникам» в походе расслабляться не положено, а во-вторых, с правого берега смотрел на туристов пастух на лошади в окружении вышедших на водопой коров. Он тоже должен был понимать, что тут люди серьёзным и рискованным делом занимаются,

не то что какие-нибудь пляжники с их бадминтоном и волей-болом. Стасик, как учили, поднял приветственно руку. Пастух выбросил в воду докуренную папиросу, сплюнул, развернул лошадь и погнал скотину наверх: «Но! Пошли, шалавы!»

– Курить будем, когда станем взрослыми? – вспомнил давно назревший вопрос Стасик.

– Наверное, – пожал плечами Игорян. – Все курят.

Стасик хотел уточнить, что его мама не курит, но заметил, что байдарка родителей даёт отмашку веслом к песчаной косе левого берега. «Чалка влево!» – грозно взревел капитан, и салага-матрос хлопотливо заработал вёслами резиновой лодки, выделенной Игорю родителями для приобщения к водному туризму под руководством опытного семейства Кружковых.

* * *

На привальном песке отец Стасика устроил ребятам зачёт по разжиганию костра в походных условиях. Игорь сумел развести огонь с пятой спички, за что получил отметку «хорошо» в журнале наблюдений за юным водником, который то ли в шутку, то ли всерьёз вёл Стасиков папа, обещая представить наблюдения родителям Игорька по возвращении из четырёхдневного «каботажного плавания». Почему дядя Саша так назвал их поход, Игорь толком не уяснил, но раздувал костёр старательно, сняв с шеи мохеровый шарф, чтобы его

концы не опалил огонь. За что тут же получил замечание от тёти Лены: «Ветрено сегодня, Игорь, надень обратно». Мама Стасика отвернулась повесить над костром котелок с водой для чая, а разгорячённый Прометей местного разлива убрал от греха подальше надоевший шарф назад за бревно, на котором сидели участники похода в ожидании обеда.

Подкрепившись двумя банками сардин в масле и пряниками с горячим чаем, туристы собрались продолжать водное путешествие по рекам родного края. «Мы тут с мамой посуду помоем и продуктовую сумку пока увяжем, а вам разрешаю выдвинуться вперёд первым судном, – допустил заслуженную относительную автономность лодке юных водников Адмирал. – Далеко сегодня не пойдём, где-нибудь через час начинайте присматривать место для ночной стоянки. Такой будет для вас очередной экзамен. На воде поаккуратнее. Справитесь?» Чего тут справляться-то? Ребята подорвались наперегонки по песку к своей резиновой посудине, которая, понятно, не заслуженная туристическая байдарка «Таймень-3», но какая-никакая, а отдельная самостоятельная единица водного похода первой категории сложности.

Облечённый поощрительным доверием капитан сам сел за вёсла и уверенно вывел лодку на центральную струю. «Оторвёмся от них подальше, да?» – угадал настроение старшего по судну Игорь. Стасик только кивнул и налёг на ходовую греблю: чайникам не понять, что быстроходная байдарка при желании сделает рыбацкую резинку на раз-два,

но пока есть фора, можно уйти хотя бы за поворот, чтобы ощутить себя вполне самостоятельными путешественниками. Цель была благородная, и ребята усиленно гребли, сменяя друг друга и надеясь, что «взрослая» байдарка так и останется вне пределов видимости хотя бы несколько излучин реки.

А речка была прекрасна свежим ветром, гнавшим рябь по воде, соснами, украшавшими высокие глиняные крутояры, быстрыми облаками на синем небе – в общем, той самой свободой, недоступной жителям асфальтовых городов, бездарно проводящих каникулы в детских тайных штабах и дворовых футбольных баталиях.

– Передохнём? – спросил запыхавшийся Игорь.

Стасик хотел было строго, по-капитански отклонить просьбу низших чинов, но вспомнил, что сейчас его очередь браться за поднадоевшие вёсла, и согласился:

– Давай, тем более что, похоже, час уже прошёл, нужно стоянку искать.

Байдарки за кормой не наблюдались, и ребята отдались на волю течения, слегка поправляя лодку при прохождении редких препятствий в виде торчавших посередине реки наклонных голых стволов затопленных деревьев и слабых прижимов к крутым берегам на поворотах главной струи. За очередным таким поворотом на противоположном берегу показалась набитая тропинка, ведущая вверх, к сосновому бору. Капитан дал команду править в направлении перспективно-

го места стоянки. Берег здесь был ровный, удобный для чалки, лодка ткнулась в него мягко и тоже, казалось, устало.

– Рванули наперегонки! – заторопился наверх выпрыгнувший вслед за Стасиком из лодки Игорь.

– Куда? Стоять! – осадил нетерпеливого матроса многоопытный капитан. – А судно кто привязывать будет?

– Точно, забыл, – смешно хлопнул себя по лбу Игорёк и начал разматывать в направлении ближайшего дерева мокрую, жёлтую от натасканной сапогами речной глины верёвку со дна лодки.

А наверху было хорошо: на утоптанной площадке стоял врытый древними поколениями туристов стол с лавками, рядом размещался выложенный круговыми камнями очаг под удобной поперечиной, привязанной намертво к деревянным стоякам. На поперечине висели длинные крючки, на которые удобно подвешивать котелки с походным варевом. Землю выстилал ровный рыжий ковёр хвои.

– Ого, – оценил окружающее благолепие Игорь. – Удачно как ты место выбрал.

– Да уж, – скромно согласился Стасик. – Тут всяко лучше, чем как прошлой ночью на песке, который наутро хоть из ушей вытряхивай. Ладно, пошли за рюкзаками, надеюсь, Адмирал одобрит.

Они подняли на стоянку свои рюкзаки, спустились подтянуть повыше на берег пустую лодку, когда к ребятам наконец причалила родительская байдарка.

– Ловите ужин, – просиял довольной улыбкой папа Стасика и выбросил ребятам одну за другой двух щук, попросил Игоря: – Спиннинг прими.

Одна рыбина ещё била хвостом, пацаны опасливо-уважительно схватили щук неумело, но крепко.

– Вот это да, – сказал Игорь, взвешивая на руках щуку. – Килограмма три, да, дядя Саша?

– Ну, два точно, – поскромничал Александр Витальевич. – Вторая поменьше, уже на подходе к вам вытащил, за поворотом. Ладно, неси рыбу наверх, Игорь. Стасик, держи гитару.

Навстречу молодёжи уже спускалась Стасикова мама, потрепала их по головам: «Отличное место выбрали, ребята. Очередная пятёрка в журнале наблюдений».

Большую синюю с оранжевым польскую палатку Адмирал поставил быстро. Пацаны легко натаскали целую кучу сосновых сучьев для костра. Солнце стояло высоко и не думало опускаться за реку. Впереди ждал долгий дыхательный вечер со вкусным ужином и песнями под гитару у костра. Но отдых в походе – дело не то чтобы относительное, но то, которое надо заслужить. То есть краткое и редкое.

– Чистить рыбу, марш-марш, – придумал новую задачу ребятам неугомонный руководитель похода. – С итоговой оценкой многоуважаемой Елены Дмитриевны.

Мама Стасика церемонно поклонилась Адмиралу и с улыбкой посмотрела на юных водников. Те, вздохнув, потя-

нулись со щуками на берег. Мама покачала головой, собрала со стола туристические ножи, две миски и пошла вслед за ребятами.

Рыбу чистить оказалось занятием не сказать чтобы очень весёлым и быстрым. Зато поднявшись обратно к походному столу, мама сообщила папе: «Справились на отлично». Папа кивнул, он подстраивал гитару.

– Жареная щука сегодня на ужин, – сообщил, как церемониймейстер на королевской трапезе. – Кто не едал, тот жизни не видал. Но чуть позже, вечер только начинается. Час на личное время.

– Мы тогда на рыбалку, пап, сами? – спросил Стасик. – Я спиннинг возьму?

– Шагайте, – согласился папа. – Там чуть выше по течению перспективный залив с травкой. Рекомендую.

– Я останусь, – вдруг отказался Игорь, припомнив, что рыбалка в исполнении товарища выглядит большей частью скучным распутыванием «бороды» из лески, возникающей при каждом втором забросе блесны. – Всё равно не умею, лучше у костра посижу.

Мама Стасика насторожилась:

– Ты не простыл? – приложила тыльной стороной ладонь к его лбу. – А шарф где?

Игорёк растерянно обернулся, будто надеялся увидеть мохеровое изделие на стояночной площадке. Вздохнул:

– Оставил на берегу, где чай на обеде пили.

– Ну как же так, – всплеснула руками мама. – Вон ветер какой холодный сегодня. Подожди, у меня запасной есть.

Встала, пошла в палатку: рюкзаки туристов были составлены там в тамбуре. Игорь подтолкнул Стасика к реке:

– Спасибо, тётя Лена, я потом его возьму, когда назад вернусь. Стаса схожу проводить до берега.

У реки Игорь неосознанно погладил рукой голую шею. Стасик заметил жест:

– Жалко шарф?

– Да надоел он мне. Мама хочет, чтобы я всегда в нём ходил, её бы воля – и в тридцатиградусную жару бы им шею укутывал.

– Зачем?

– Не зачем, а почему, – Игорь помолчал, снял очки, подышал на стёкла, протёр подолом свитера. – Эдькин шарф-то.

– Ох ты, – понял Стасик. – Дела.

– Видеть этот шарф уже не могу, и отказаться сил нет. Я его сюда-то взял только потому, что она хотела, чтобы я ещё и в берете Эдькином ехал. Ну, в том, что привезли. От берета напрочь отбоярился, пришлось хоть шарф надеть, а то бы она три часа плакала.

– Да, понимаю.

Сидели на стволе прибрежного топляка, молчали. Эдика, брата Игоря, забрали в Афганистан в самом конце войны. Цинковый гроб привезли уже в разгаре вывода войск: десантный майор приехал и сержант ещё. Стасик с Витькой

пришли с похорон к Игорю домой, слушали, как майор за поминальным столом строго говорил верные и справедливые слова: про службу Эдьки, про интернациональный долг и про вечную славу героям. Отец Эдика, сам бывший старший прапорщик, кивал головой, соглашался. Мать просто сидела как каменная, неясно, слышала ли. Потом Игорь шепнул друзьям: «Надоело». Кивнул в сторону коридора, вышли на лестничную площадку. Там курил сержант-десантник, выпивший уже изрядно.

– Что, пацаны, интересно майор говорит? – зло затянулся. – Только враньё это. Он и не знал парня вашего: замполит, ему врать по службе положено. Да и я толком не знал – он из молодых, только приехал, я его раз пять на построении видел мельком, и всё. Он в другой роте был, а мне за доставку «груза двести» дембель пораньше комбат оформил. А в последний момент к борту и замполит этот подтянулся: ему всё лучше в Союз слетать, чем снег месить на Саланге, колонны вывода прикрывая. Так что не верьте вы, не надо.

– И что, никто не знает, как на самом деле всё вышло? – голос Игоря тонко звенел. – Вообще никто?

– Почему, мне в общих чертах пацаны из его роты рассказали. Я же понимаю родительское горе, все мы там на его месте могли оказаться, к любому кто-то должен был вот так гроб привезти. Только отказываются почти все – дурная примета считается, так вот в Союзе побывать. Но говорят, есть и другие, которые раза по три с оказией на побывку съездили

домой, и ничего с ними потом не случилось. Но сам таких не видел, только слухи ходят. А мне-то теперь уже всё равно: завтра билет на поезд и домой. Хватит, отстрелялся.

– Так с Эдиком-то что там случилось? – вернул сержанта в текущую реальность Витька.

– А, с этим. Да ничего особенного. Вышли колонной из трёх БМД на Кабул из Баграма. По дороге там есть такой кишлак Мирбачикот, известное змеиное гнездо, его все на самой высокой скорости проскакивают. И тут у них какая-то поломка у головной бээмдухи случилась, встали все как на витрине, мехводы побежали совет держать к первой машине, десант на землю спрыгнул, а он же наводчиком был по штату, им обычная команда «по-боевому!». Ну вот только ствол БМД успел в сторону кишлака развернуть, как по его машине и прилетело. Он один там погиб. Ещё один лёгкий «трёхсотый» был, кажется. Самая обычная история. Это если по правде... Говно эта война, пацаны, вот что я вам скажу. Никому не верьте, если будут звать воевать не пойми за что. Хорошо, что кончилась наконец.

Тут вышел отец Игоря, позвал: «Пошли за стол, мы вас там потеряли». Сержант с Игорем вернулись в квартиру, а Стасик с Витькой отправились по домам. И голубой Эдькин берет теперь всегда у них дома на комодке лежит, рядом с его фотографией в рамке. Вот и всё.

«Игорь, ты где? – раздался над рекой голос мамы Стасика. – Поднимайся, я тебе шарф нашла!» Игорёк сморщился,

сказал капитану: «Ох уж мне эти шарфы». И побрёл наверх, обернулся: «Щук только больше не лови. Нам же их опять чистить».

* * *

Стасик сделал целых пять удачных забросов и лишь на шестом не успел вовремя остановить полёт блесны. Леска традиционно запуталась вокруг старинной инерционной «невской» катушки. Отец обращался с ней ловко и обещал купить Стасу персональный спиннинг с персональной же новейшей безынерционкой, которая самостоятельно не допускает «бороды», но выполнит он своё обещание лишь тогда, когда начинающий спиннингист научится успешно пользоваться его древним рыболовным атрибутом. В целом дело шло к тому, что к концу похода можно будет успешно сдать экзамен по спиннингу, но навык нарабатывался непросто.

Распутывая леску, Стасик постоянно возвращался мыслями к тётке Варе, маме Игоря. Как она прошлой зимой была вся остановившаяся, как будто замёрзшая на поминках по Эдику, как потом дома мимоходом проводила рукой по фотографии на комодe, как провожала в этот поход Игоря, тревожно спрашивая у Стасиковых родителей: «Всё же в порядке будет, правда?» И поправляла шарф на шее сына, который тот благополучно потерял во время недавнего привала на берегу реки. На этом же самом, левом.

На этом же левом, да. И недалеко: сколько мы потом проплыли, километров пять, наверное? Человек идёт со средней скоростью пять километров в час, время сейчас – папа сказал, когда отложил готовку ужина, – шесть вечера, ну пусть половина седьмого. Если быстро сбегать туда-обратно, то никто и не заметит. Нет, заметят, конечно, отругают вечером, но победителей не судят. А шарф потом пусть Игорян хоть в самую глубину своего рюкзака засунет, лишь бы тёте Варе его назад привёз. Потому что потому. Потому что так надо.

Стасик прислонил спиннинг с нераспутанной «бородой» к лежащему рядом на песке большому топляку и скорым шагом отправился вдоль берега вверх по реке. Метров через сто топкий песок уткнулся в крутояр, и отважный капитан, продираясь сквозь прибрежный кустарник, поднялся наверх. Слабая тропинка вела по белому мшанику среди сосен уверенно и просто, ветер гнал по небу весёлые облака, и от полноты хороших чувств и предчувствий Стасик запел из мультика: «Мимо белого яблока луны, мимо красного яблока заката...» Песня закончилась вместе с тропинкой, потерявшейся на спуске к заросшей кустами смородины ложбине, тянувшейся к реке. Ручей, пробивавшийся там сквозь мокрые камни и поваленные деревья, оказался широким и глубоким, форсировать его по скользким стволам Стасик не решился, сообразив, что если подняться по ручью вверх, то там он наверняка окажется мельче и доступнее для переправы на другой берег. Но ложбина тянулась и тянулась, при-

брежный сосняк сменился тёмным густым ельником, а выход на противоположную сторону всё не находился.

Наконец, после четвёртого или пятого спуска к ручью спасатель Игорева шарфа сумел перебраться через обмелевшее водное препятствие и поднялся в берёзовую рощу, за которой виднелось понижение в сторону реки. Облака на небе окрасились в розовый цвет, но Стасик ощущал, что конечная цель экспедиции уже близка, и, чтобы срезать угол, пошёл к речке не обратно вдоль ложбины, а по низменному травяному лугу.

Троп здесь не было, идти приходилось по высокой траве, обходя многочисленные кочки. Под ногами начала хлюпать грязная болотная вода, вокруг поднялись заросли камыша, но Стасик упорно, хоть и медленно, продвигался вперёд, уверенный в правильности выбранного направления и скором благополучном выходе к месту обеденной стоянки. Мысли о суровом разговоре с родителями по возвращении в лагерь отгонялись отдельным напряжением силы воли.

Неожиданно камыш поредел и сквозь него проглянула водная гладь. С трудом преодолев ещё с десяток кочек, Стас понял, что впереди озеро. Над головой свистели стаи уток, потянувшихся на вечернюю кормёжку.

Когда Стасик выбрался обратно из камышей, на небе уже висела ранняя вечерняя луна, вполне бледная на фоне последних лучей закатного солнца. Стало окончательно ясно, что шарф спасти сегодня уже точно не удастся и нужно по-

стараться вернуться под справедливый удар родительского гнева до наступления финальной темноты стремительно гаснущего дня. Вода под ногами продолжала предательски хлюпать, когда вместо знакомого березняка впереди возникла стена темнохвойного леса. Стасик ещё надеялся, что где-то там в глубине он найдёт тот самый ручей, который вернёт его обратно к реке, но надежда таяла со скоростью появления между верхушек елей и лиственниц ночных звёзд.

Наконец некогда отважный капитан позволил себе признаться, что самостоятельная ночёвка в лесу неизбежна. Сразу нахлынула подспудно отгоняемая всю дорогу паника, включавшая в себя страх родительского гнева, неизменных окрестных волков и ещё каких-нибудь инопланетян, которым где ещё и быть-то, если не в дремучих лесах местного значения. Прошла она лишь тогда, когда у комля вывороченного дерева запылал костёр, разожжённый Стасиком с третьей спички из коробка, вынутого из завязанного спущенного воздушного шарика, вручённого перед походом в качестве крайнего спасательного средства каждому члену группы лично руководителем похода. Шарик с неприкосновенным запасом спичек всегда должен был висеть на шнурке и, соответственно, на шее любого туриста – так действительно обязывал всех папа. Вот, пригодился, – Адмирал мог бы быть доволен при каких-нибудь других, не столь печальных обстоятельствах.

Стасик натаскал в свете костра несколько охапок травы

для обустройства лежанки, вытянул вдоль горящих дров гудящие от усталости ноги, чуть поплакал от обиды и голода и неожиданно быстро и крепко уснул.

* * *

Поздним вечером четвёртого дня одиночного блуждания по лесу Стасик случайным чудом вышел на давно потерянную реку. Понять, в какой стороне должен быть покинутый им когда-то очень давно лагерь, было решительно невозможно. Желудок настойчиво требовал хоть какого-нибудь полезного наполнения, вниз по течению виднелись заросли красной смородины, и ноги сами понесли Стасика туда. Ну как понесли – медленно побрели, если точнее.

Пока Стас собирал пригоршнями ягоды и отправлял их в организм, в стороне низко пролетел вертолёт. Организм проводил его равнодушным взглядом: за последнюю пару дней вертолёты пролетали над лесом несколько раз – ни одна попытка привлечь их внимание дикими криками, прыжками и размахиванием снятым свитером успеха не имела. Заросли смородины закончились песчаным берегом, где за поворотом открылось ровно то потерянное место очень давнего обеда – с сардинами и пряниками. Вот и кострище, и обеденное бревно, а за ним и тот самый мохеровый шарф невнятной расцветки, из-за которого всё и случилось. Стасик подобрал шарф, поднялся вверх по берегу от холодного по ночам

песка к речной террасе под ивами, разжёт яркий костёр из топляка, который – он уже знал – быстро прогорит, лёг спиной к огню, положил под голову тёплый шарф и провалился в сон, которым нужно успеть воспользоваться, пока ночная промозглая прохлада не вынудит встать в поисках новых дров.

* * *

– Ты живой ли, слышь? – Стасика тормошила за плечо жёсткая ладонь. – Эй, парень!

– Живой, – ответил Стасик, не открывая глаз, и повернулся на другой бок.

– Нашёлся, потеряшка, – хохотнул хриплый голос. – Ну всё, вставай, поехали.

Напротив Стасика сидел на корточках мужчина с папиросой в углу рта и в телогрейке. От прогоревшего костерка поднимался белый дымок.

– Мне к маме с папой нужно, дядя, – сказал Стасик и заплакал, второй раз за дни потерянного одиночества.

– Будет тебе папа, будет тебе мама, будет тебе и по жопе на орехи, – туманно успокоил дяденька, снял с себя телогрейку, надел её на мальчика. Потом залез в карман, достал оттуда завёрнутый в тряпичный лоскут бутерброд с ливерной колбасой, протянул Стасику. – На, ешь. И пошли.

Он подвёл городского найдёныша к стоящей рядом лоша-

ди, взял под мышки и с размаху усадил Стасика к ней на спину, сказал: «Держись, не сверзись». Сам поднялся в седло, прижал спину мальчика к себе, обняв его левой рукой.

Правой тронул поводья и распорядился: «Пошла, шалава! Но!» И лошадь повезла седоков прочь от последнего Стасикова лесного приюта, где у костра остался лежать вновь забытый мохеровый шарф.

Потом всё немножко перепуталось: большой тёплый дом с полированными столами и выцветшими вымпелами «За победу в социалистическом соревновании» на стенах, весёлые люди в ярких комбинезонах и с большими фонариками, рассказывающий им историю счастливого нахождения дядя Паша в телогрейке, горячий сладкий чай, откуда-то прибежавшая плачущая мама, стиснувшая Стасика так, что рёбра захрустели, отодвинувшая её тётя с прозрачным пакетом в руках, сказавшая: «А вот сейчас мы ему глюкозу поставим, и будет как новенький», поездка в санитарной машине через всю деревню. И только уже лёжа укутанный в два одеяла в салоне летящего вертолёта, герой-одиночка спросил у держащей его за руку мамы:

– А где папа?

– В городе, по делу, – невесело ответила мама и снова заплакала.

Скукотень второго больничного дня развеял заглянувший после обеда Игорёк. Сунул в руки Стасику пакет с мандаринами, сказал:

– Вот, мама тебе передала.

Оглядел пустые койки, спросил:

– А где все?

– Внизу: время посещений, с роднёй общаются, передачи принимают. А мне сказали, что нельзя, постельный режим.

– Витёк вчера заходил, привет тебе передавал. Он бы и сам со мной пришёл, но они сегодня на море уехали, в Крым.

– Ладно. Давай по мандаринке?

– Давай.

Стасик первый раз попал в больницу и не очень себе представлял, как здесь положено вести себя с посетителями. Нужно ли показывать им, как тебе тяжело болеется, или же, наоборот, всячески бодриться и рассказывать, что всё у тебя хорошо. Так и не придумал, потому спросил нейтральное:

– Сильно вы там психовали? Ну, в первый день?

– В ночь. А сам-то ты как думаешь? Ну и вот. Следы твои изучали на песке, пока светло было, – поняли, что не утонул, а пошёл куда-то. Орала всю ночь, тебя звали. Утром дядя Саша карту поизучал, отправил нас с тётей Леной на байдарке за помощью. Там деревня Лиховка вниз по течению ки-

лометрах в десяти была. Или село, большая. Там твоя мама сразу в сельсовет пошла, позвонила в город спасателям. Ну и местные засобирались на поиски, когда я с берега уже поднялся с лодкой. В три ходки вещи таскал. Вечером за мной папа приехал, да и твой к тому времени с деревенскими из леса вернулся. Три спасательных «уазика» встретились на дороге, когда мы в город уже отправились. А дальше я не знаю. Но ты козёл, конечно.

Стасик вздохнул: «козёл» – это справедливо, ласково даже, можно сказать. Не поспоришь. Вспомнил:

– Тётя Варя сильно за шарф ругала?

– Вообще не ругала. «Да провались он, этот шарф, – сказала. – Хорошо, что так всё закончилось». Больше себя ругала, что мне его навязала в поход. Так что всё нормально. Зря ты это там затеял.

– Сам понимаю, что зря. Кто ж знал.

Тут в палату буквально влетела мама Стасика в накинутах на плечи белом халате:

– Здравствуй, Игорь. Ты извини, мы сейчас к папе пойдём. Вставай, Стасик, одевайся быстренько. Нам на полчаса разрешили. А ты домой, марш-марш.

– Здравствуйте, тётя Лена, – вежливо встал Игорёк. – Я и так уже собирался. Привет дяде Саше и выздоровления быстрого.

Ободряюще махнул другу рукой и скрылся за дверями больничной палаты.

Стасик натягивал штаны, не очень понимая, куда они сейчас, почему быстро и как это возможно, если у него постельный режим.

– Я договорилась, – успокоила мама. – Готов? Всё, пошли. Нам в другой корпус.

Они спустились по лестнице на первый этаж, потом по ещё одной прошли в подвальный коридор, вдоль стен которого стояли ряды больничных каталок, вышли к лифту с широкими металлическими дверями. Через какое-то время двери открылись, большая круглая бабушка задвинула за ними железную решётку, спросила: «Куда?» Мама ответила: «В кардиологию». Лифтёрша ткнула в кнопку с цифрой «6», и вскоре они вышли в широкий вестибюль, свернули в коридор, над которым горела надпись «Кардиологическое отделение». «Мы в двенадцатую палату, Валентин Степанович разрешил», – торопливо сообщила мама сидящей на посту медсестре, и они прошли к двери с табличкой «Палата интенсивной терапии». За дверью оказалась светлая комната с двумя высокими кроватями с рычажками и кнопками. Одна была аккуратно заправлена, а на другой полулежал-полусидел папа в прозрачной пластиковой маске, закрывающей рот и нос. Увидел их, обрадовался, снял маску:

– Здравствуй, Стасик. И ничего, и не такой уж он сильно худой, как ты говорила. Нормальный. Ну, проходите, проходите, садитесь прямо на кровать.

К руке папы тянулась трубка от такого же пластикового

пакета с жидкостью, из какого капал лечебный раствор в вену Стасику в вертолёте.

– Глюкоза? – спросил он понимающим сочувственным тоном.

– Наверное, не знаю, – беспечно отмахнулся папа. – Ну, рассказывай, как ты умудрился в том лесу заблудиться. За шарфом Игоря пошёл, мы правильно догадались?

Стасик пожал плечами: «Ну вот так, сам не знаю как». И кивнул, вздохнув: «Ага, за шарфом». Мама вмешалась:

– Потом он тебе всё расскажет. Нам буквально десять минут заотделением позволил с тобой тут. Лучше скажи, оперировать собираются? Может, мне всё-таки позвонить Арону Моисеевичу?

– Не будут, звонить не надо, – с нажимом ответил папа. – Подожди, мы хоть в общих чертах. Костры разводил, спички в НЗ пригодились? Я, знаешь, готов был молиться там, чтобы дождь не полил. Повезло, что тёплая погода установилась. Страшно было? Сильно голодал? Грибы правильные собирал?

– Там ручей такой глубокий был, – начал было Стасик долгий рассказ, но в двери показался строгий доктор, показал маме на циферблат наручных часов, покачал головой: «Без лишних эмоций, я же предупреждал».

– Мы сейчас, мы всё уже, – успокаивающе заторопилась мама. Доктор ушёл. – Ладно, дома наговоритесь. Посмотрели друг на друга – и будьте довольны. Один другого краше.

– А ты почему здесь? – решился наконец прояснить непонятное Стасик.

– Ты не сказала? – поглядел на маму папа, та покачала головой. – Сердце прихватило, брат, на третью ночь поисков. Инфаркт, говорят, был. Но сам видишь, уже как новенький тут лежу, кислородом вот балуюсь. Хочешь подышать?

Папа протянул Стасику пластиковую маску, но в палату вновь вернулся суровый доктор, строго-вопросительно посмотрел на маму.

– Уходим, уходим, – поднялась мама, взяла Стасика за руку.

– Всё будет отлично, старик, – пообещал им в спину папа. – Мы на следующий год в «троечку» с тобой пойдём. Есть у меня на примете хорошая речка.

Мама резко остановилась в дверях, обернулась:

– Никаких больше вам ни «двоечек», ни «троечек»! А байдарку эту несчастную продадим. И дачу купим, там развлекаться будете, как все нормальные люди.

Доктор кивнул, показал маме большой палец и отмахнул им кистью руки: кыш, мол, кыш отсюда. И они ушли.

* * *

Стасика выписали из больницы через два дня, папу через две недели. А к осени родители купили дачу, как мама и грозилась.

Глава 3. Пиво

«Жигулёвское» с малиной придумал Игорь. Он принёс в беседку пол-ковша спелых крупных ягод, бросал их в кружку с пивом, пил и нахваливал своё гастрономическое изобретение, не подозревая, что бельгийские пивовары догадались использовать в слабоалкогольном пенном напитке фруктово-ягодные аттрактанты ещё в прошлом веке, если не раньше. В десятом классе этого не проходили, а что будет в следующем, одиннадцатом, – бог весть, не для того же они собрались на Стасиковой даче, чтобы вспоминать на последних летних каникулах школу или, как ожидается теперь по новому распоряжению, гимназию.

Стасик с Витей тоже сыпанули себе в пиво малины, качественного улучшения вкуса не заметили, но так было интереснее, можно осенью в классе похвастаться – да хоть той же Вике Стрельцовой, которую сюда с ними родители не отпустили. Витька вон до сих пор расстроенный сидит, хмуро болтает веточкой в кружке красные ягоды.

– Завязывай, Витёк, – похоже, Игоря тоже уловил причину расстроенных чувств приятеля. – В следующий раз поедет. Ничего, бывает.

Витька дёрнул плечом, отмолчался.

– Да и так хорошо, – решил сменить тему Стасик. – Пошли, картошки копнём, ночью в костре запекать.

С двух кустов набрали дюжину мелких, ещё не набравших веса летних клубней в тонкой светлой кожуре. Отнесли к кострищу, которое родители Стаса обложили вокруг камнями в память о туристической пожарной безопасности. Из тех же соображений Стасик набрал из колодца ведро воды, поставил рядом. Игорь с Витей доставили от поленницы две охапки берёзовых дров. Вечер только начал удлинять тени от окружающих дачных крыш садового товарищества «Энергетик-3», костёр разводить было рано, и подростки вернулись в беседку. Открыли не успевшую нагреться новую полторашку, налили по кружке свежего пива, малину уже добавлять не стали.

– Может, сигарет сходим купим? – зачем-то предложил Игорь. – Всё равно делать нечего.

– Да ну их, – отверг предложение Стасик. – До ларька три остановки идти. Ты как, Витёк?

Витёк пожал плечами, неопределённо мотнул головой. Ларёк с пивом и сигаретами находился на привокзальной площади посёлка Клёпово, плотно окружённого большим дачным массивом, который так и назывался у горожан – «Клёповские дачи». По ним летом ходил из города круговым маршрутом автобус 132-го номера, но можно было доехать на электричке, как и сделали приятели, закупившись по ходу в Клёпово «жигулёвским» и вяленой рыбой. Пока несли шесть литров до участка, намаялись. Курить они пробовали первый раз на даче ещё прошлым летом, но никто не втя-

нулся, не понравилось, так что поход в посёлок никому не показался увлекательным делом. Да и пиво расслабляло, уже хотелось болтать под тенистой крышей о всяком важном, а не тащиться не пойми куда и не пойми зачем.

– В ларьках пиво новое чешское появилось, видели? – повернул тему другим боком Игорь.

– Вкусное? – поинтересовался Стасик.

– Нормальное, не в этом дело, – подкрутил интригу Игорёк.

– А в чём тогда?

– В этикетке. Там такой значок специальный, если его стереть монеткой, то под ним фото девки без ничего.

– В смысле, без ничего? – заинтересовался и Витёк.

– В том самом. Голая. Вообще.

– Да ладно?

– Точно вам говорю, сам видел.

– Так может и правда тогда в Клёпово? – воодушевился Стас. – Как пиво называется?

– Забыл. Но там такого не было, я специально посмотрел, когда «жигулёвское» покупали.

– Ладно тогда. В городе найдём, покажешь. Дорогое?

– Что-то около сотни.

– Блин, кусается, – расстроился Стасик.

– Да ладно тебе, – не согласился Витька, которому легко не соглашаться, у него отец зампреда комиссии по приватизации. – Оно вчера, может, пятьдесят стоило, а зав-

тра в город вернёмся – уже сто пятьдесят. Цены смотри как скачут, тут вообще ничего не поймёшь с этой инфляцией. Мне дома на карманные расходы уже по сто рублей выдавать стали. Наберём на такую экзотику. И как они там на этикетках? Ну, вот здесь.

Витёк показал круговыми движениями ладоней, где здесь.

– Как в «Эммануэль», – подтвердил Игорь. – Или даже как у Стрельцовой.

– Ты прямо видел, как там у Стрельцовой, – опять скислился Витёк.

– Никто не видел, – согласился знаток новейших пивных этикеток. – Но и так заметно, красоту не спрячешь. Вы поругались с ней опять, что ли?

Витя почесал свою светлую лохматую шевелюру и разлил по кружкам остатки из полторашки. Две пустые пластиковые бутылки с родной этикеткой «жигулевского» без всяких новомодных просветительских технологий уже стояли под столом. Кивнул и рассказал невыносимо грустное.

Похоже, Вика его всё-таки не любит, хоть они и дружат с четвёртого класса, а знакомы так вообще с детского сада. И то, что поцеловались два раза – на Новый год и в апреле, – совсем ничего для неё не значит. Витёк предложил ей сходить в ночной клуб «Шекспир», открывшийся недавно на Набережной и быстро ставший культовым танцевальным местом взамен вчерашних дискотек, но Вика сказала, что он ещё маленький и её с ним туда не пустят. Ну да, он ниже

Вики на полголовы, но все же знают, что процесс полового созревания быстрее происходит у особей женского пола, чем у мужского, и что через год Витька вырастет со Стаса или даже с Игоря. Это же не повод отказывать ему в нетактичной форме. Но он тогда смиренно принял нанесённое оскорбление, потому что знал, что Вика не со зла, а просто по обычной взбалмошности своего характера. Потому что верил, что всё равно у них в итоге всё будет хорошо: через пару лет поженятся, проживут вместе долгую счастливую жизнь и когда-нибудь потом умрут в один день. Но когда вчера встретил её в Нижнем гастрономе и предложил поехать на дачу Стасика, Вика сказала, что сейчас она купит молоко и потом им нужно будет серьёзно поговорить. Витя подождал её на скамейке в соседнем парке, понимая, что ничего хорошего из этого разговора не выйдет, даже уйти хотел, но сообразил, что это трусость и лучше горькая правда, чем сладкая ложь. И Вика пришла, села рядом, молчала, а потом сказала, что он очень хороший и что она его знает тысячу лет, но именно сейчас им необходимо взять паузу в отношениях. Потому что она ему благодарна за всё минувшее, но они уже не дети и должны быть ответственны за свои решения, которые вовсе не обязаны определять их дальнейшую жизнь – не факт, что вместе, а не по отдельности. И даже скорее по отдельности, чем вместе. И потому пусть он не обижается, а пока отойдёт в сторону и подождёт, потому что Вике тоже сейчас не просто и у неё тоже есть свои причины для глубоких душевных

волнений. И ещё кое-что сказала, но про это он говорить не станет, потому что дал Вике честное слово. Вот так, вот и вся любовь.

– И на дачу она сама не захотела, а никакие не родители её не пустили, – подвёл черту грубый, но сметливый Игорь Смирнов.

Витька кивнул.

– Да это она так, минутное настроение, – высказал осторожный оптимизм Стасик. – Она же не отказалась от тебя, просто предложила подождать немного. А может, это «немного» уже сегодня закончилось? Или завтра.

– Не закончилось и не закончится, – упрямо мотнул головой Витя. – Тебе не понять, ты тупой в этом направлении. Но тебя это не портит. Ладно, где у нас ещё пиво?

Стасик сходил до колодца, поднял ведро, в котором охладились последние три литра «жигулёвского».

Потом они спорили, кто талантливее: Титов или Черенков, строили планы на рыбалку, разбирались, какой вуз лучше (Игорь собирался в медицинский, Витёк в военное училище, а Стасик никуда не собирался, потому что вообще об этом не думал). Затем вспомнили про идею запечь картошку, пошли к костровищу уже не вполне трезвыми ногами. И пока Игоря путано возился с берестой и спичками, Витька неожиданно признался сидящему рядом на лавке Стасу:

– Завидую я тебе.

– С хрена ли? – удивился Стасик.

– А ты ничего никогда вокруг себя не замечаешь. И не любишь никого.

– Как это не люблю? Родителей люблю. Вас вот, дураков.

– Ладно, неважно.

– Чего это, неважно? Начал, так договаривай.

– Да ничего я не начинал. Просто болит вот тут и всё время хочется о ней говорить.

– О Стрельцовой?

Витька молча смотрел, как из-за спины Игоря поднимается дымок загорающегося костра. На небе проявлялись первые бледные звёзды. Наконец вздохнул:

– Ничего не могу с собой поделаться. Знаешь, какая тоска сейчас? Ничего ты не знаешь.

Игорь поднялся от костра, с гордостью сообщил:

– Всё, готово. Где тут у вас картошка?

– Рано картошку, сгорит, её в золе запекать нужно, – напомнил Стасик. – Я скоро.

И пошёл к дверной калитке, оставив за спиной дачу, костёр, друзей и это, как его, счастливое детство.

* * *

Маленький дощатый вокзал пригородной станции Клёпово тускло освещался одиноким фонарём на столбе, столь же одиноким и печальным, как сегодняшний Витька. Не менее грустно выглядел и телефон-автомат у входа. И вообще, всё

вокруг напоминало о грубом несовершенстве этого странного мира, который был создан, как подсказывало сегодняшнее Стасиково сознание, для добра и радости. И любви, конечно. Что же это за жизнь такая без любви? Подите и спросите о ней у Витьки. Подите и спросите. Плохая это жизнь, невыносимая. Уж он-то знает.

Монетка провалилась в щель автомата вместе с появлением в трубке женского голоса.

– Здравствуйте, тётя Света, – сказал в трубку Стасик. – Вику пригласите, пожалуйста... Нет, не из дома. Я на даче, завтра домой вернусь... Есть два лишних билета в драмтеатр на «Современник», в воскресенье?.. Хорошо, обязательно маме передам. И привет передам, спасибо... Вика, привет... Да отлично мы здесь. Пива набрали, картошку в костре запекаем... Чего завидовать, ехать надо было, звали же... Как кто? Витёк тебя звал. А мне-то чего звать, если он уже... Ну, нормально. Нормальный голос, мы и взяли-то по два литра «жигулёвского» на каждого. А Игорь рассказал, что сейчас пиво появилось чешское в бутылках, с такой, знаешь, этикеткой. Ладно, это неважно... Что тогда мне важно?.. Нет, и тебя услышать тоже хотел, но тут, знаешь, Отчалов, он... Как, говоришь, называется, «Основной инстинкт»? Нет, не видел. Ладно, посмотрим... Я про Витьку Отчалова с тобой хотел... Нет, Велигжанской нет тут... Никто её не звал, зачем она нам сдалась, мы сами, втроём... Она? На меня? Да ладно тебе... Да не видел я твою Ирку Велигжанскую с мая,

как на каникулы ушли... Тем более. Подожди, мне с тобой про Витю нужно... Ну, он мой друг, он рассказал... Да почему трепло-то?.. Ну, подожди, давай спокойно... Вот и слушай тогда. Вы же с ним с детского сада, вы такие, когда вместе... Ну, какие такие? Хорошие вы, не знаю, даже когда ругаетесь. И смотреть на вас хорошо. Как это, идеальная пара, да? Ну вот так мы вас видим... С Игорем, да. И он так же думает... Зря ты Отчалова сейчас так вот, Вика. Он без тебя совсем не может, правда. Если Витька что-то не так сказал или там сделал – ты прости его, дурака. Он точно не со зла, он просто тебя любит, очень любит. Он жить без тебя не может, Вика. Помирись с ним, пожалуйста... Да, мне это нужно, ему это нужно. Потому что видеть страшно, как он переживает. Ты не знаешь, а я знаю... Обещаешь? Вот и хорошо. Всё у вас наладится, обязательно... Вот и молодец, вот и спасибо тебе... Ага, пока. Спокойной ночи.

Мир окружающей станции Клёпово был тихим, спокойным и правильным – в полной гармонии с настроением Стасика: если ты в силах сделать его лучше, ты обязан это сделать. И мир заметит, оценит и придёт в равновесие, когда все друг друга любят, никто никого не обижает, и картошка уже наверняка испеклась, но пиво, похоже, там у них уже закончилось, впрочем, если есть деньги в кармане – а они есть, вот, семьдесят пять рублей – то нужно взять ещё «жигулёвского», объяснить потом Смирнову и Отчалову, куда он пропал, не рассказывать же, что ходил менять мир к лучшему, они по-

том это сами поймут и оценят, а теперь нужно к привокзальным киоскам, хоть один уже и закрыт, но второй работает, знать бы, как выглядит это чешское пиво, про которое Игорян рассказывал, хоть денег всё равно хватит лишь на «жигулёвское», вот оно какое, холодное, приятное, не успеет нагреться, темно уже, прохладно на улице и тихо, только двое парней навстречу идут, наверное, местные, на городских не похожи, а закурить, так Стасик и не курит, пробовал, не понравилось, но это же не повод, чтобы сразу в ухо тебе летело с правой...

* * *

«О бескрайних морях, об открытых дверях, за которыми верят, и любят, и ждут меня-а-а...» Витёк, как всегда, безбожно фальшивил, а Игорян ничего так выводил, ровно. Песня оборвалась, когда Стасик вступил в круг ночного ко-стра.

– Где, далеко? – подскочил Игорь.

– Много их? – уже подбирал себе сучковатую палку Витька.

Стасик махнул рукой, сел на лавочку, спросил:

– Пива не осталось?

– С чего бы ему остаться?

– Ну вот и я не донёс.

– Да хрен с ним, с пивом, – отмахнулся Игорь. – Наваляем

им сейчас. Пошли, покажешь.

– Они сразу на мотоцикл и по газам, – Стасик осторожно трогал пальцем разбитую губу. – Пиво уже где-нибудь у себя во дворе допивают. Местные, двое. Я одному хорошо так зарядить успел. Да садитесь вы, не маячьте.

Витьку с Игорем распирала хмельная агрессия справедливости, но выплёскивать её, похоже, и вправду было уже не на кого. Сели, соглашаясь, что тут именно тот самый случай, когда кулаками после драки махать глупо и бессмысленно.

– Рассказывай по порядку, – хмуро бросил в костёр свою палку Витя.

– Ну, пиво купил в Клёпово, возвращался по посёлку, а тут навстречу эти, у которых вечно сигарет не бывает. Один сразу в ухо врезал, от второго увернулся, ударил, нос ему разбил. Потом навалились, понятно, уложили, сами сверху, один руку выкручивал, другой кулаками навешивал. Не пинали, нет, всё по-честному. Полторашку подобрали – и в кусты прыгнули. Там мотоцикл сразу взревел и уехал. За минуту всё случилось, может, за две. А пиво сейчас в жилу бы пришлось, да.

– И мы последнюю за пять минут до тебя допили, – запоздало расстроился Игорь. – Мы ж не знали, куда ты запропастился. Картошки две вон тебе оставили, ешь, горячая ещё должна быть.

Стасику вдруг до невозможности захотелось печёной картошки: похоже, в качестве компенсации выброшенного

недавно адреналина и общих негативных эмоций.

– Подожди, морду хоть умой, смотреть противно, – спрятал за дружеской грубостью чувство невнятной вины Витька. – Давай из ведра солью.

– На себя посмотрите, трубочисты, – негуманно ответил Стас.

Посмотреть было на что: у одного весь подбородок в засохшей крови и набухающий фингал под глазом, у других лица были чернее грима Высоцкого в фильме про арапа Петра Первого. Отмывались, хохотали, успокоились.

– Ну что, спать? – предложил уставший от приключений Стасик.

– Идите, я ещё тут посижу, – отказался Витёк, а Игорь спросил:

– Тебе пива не хватало, что ли? Чего попёрся в это Клёпово?

Герою вечера совсем не хотелось объяснять честный мотив своей отлучки на станцию, обернувшейся лихим приключением, но уж больно тепла и приятна была летняя ночь, замечательны и отважны давние друзья детства, оттого и возникла потребность дополнительной гармонизации финала этого долгого дня, чтобы всем стало хорошо и спокойно жить, оставив в прошлом глупые и уже исправленные ошибки мироздания.

– Стрельцовой я ходил звонить, – помолчав, признался Стасик больше в сторону Вити. – Всё, она больше на тебя не

сердится, сказала, чтобы приходил, что всё будет как раньше. Вот так.

Игорь повёл плечами, словно на улице похолодало, а Витёк спросил странным голосом:

– И что ты ей сказал?

– Да ничего особенного. Что тебе плохо сейчас, что ты без неё не можешь, что вам обязательно нужно помириться и тогда всё станет очень хорошо. Вика согласилась. Больше ничего.

Стасик ел уже почти остывшую картошку, макая её в соль, костёр выбрасывал последние синеватые языки пламени, яркий фонарь полной Луны рисовал по саду чёткие тени от раскидистых яблонь.

– Ладно, я спать, – встал и потянулся Игорь.

– Подожди, – остановил его Витя. – Сядь.

Стасик принялся чистить от твёрдой чёрной корки вторую картошку.

– Вкусная? – спросил Витька.

– Ага, – ответил Стас.

Игорь рисовал веткой узоры на покрытой пеплом землёй под ногами.

– Кто тебя просил? – голос у Отчалова был незнакомый, севший. Он даже откашлялся дважды.

– Никто, я сам, – гармония мира вокруг Стасика вдруг начала болезненно трещать. – Всё же хорошо, Вить. Всё нормально будет у вас с Викой.

– Потому что ты договорился, – Витёк не спрашивал, он утверждал.

– Ну да, можно и так сказать.

Игорь сломал прут, бросил его в огонь.

– Да что не так-то? – окончательно запаниковал Стасик.

– Экий ты болван, – заметил Игорёк и добавил. – Да, пива бы сейчас ещё.

А Витя не смотрел на Стаса, отвернувшись в сторону беседки. Так затылком и сказал:

– Она же решила, что это я тебя попросил позвонить. Я, понимаешь? Сам. Взял и попросил.

Повернулся, смотрел на почти потухший костёр. Добавил:

– А я не просил, но она мне не поверит.

Стасик вдруг понял, что исправить ничего уже невозможно. Витёк наконец посмотрел в глаза и сказал уже почти обычным голосом:

– Не делай так никогда больше. Ладно?

– Я понял, – сквозь накотившее отчаяние ответил Стасик. – Никогда.

– Вот и хорошо. Ладно, парни, пошли спать.

И они пошли спать под треск ночных сверчков и дальний шум бегущих в ночь поездов. Под утро Стасику приснилась Вика Стрельцова, только она была чешкой и позировала для пивной этикетки, про которую рассказывал Игорь. Кажется, Игорь сам её там и фотографировал.

Утро было как утро, да и день был как день, когда друзья дождались электрички в город на платформе Клёпово в окружении тесной толпы дачников с их вечными вёдрами и хозяйственными сумками на колёсиках. Двери, строго зашплев, открылись, и мощный ручей пассажиров-огородников повлёк в своём потоке Стасика, Игоря и Витю в плотно набитое нутро вагона, каким-то странным образом ещё умевшее принимать излишки платформенного дачного человечества.

Уже в шаговой доступности ступеней электрички Витёк притянул к себе голову Стаса и прошептал на ухо: «Я Вике честное слово дал, что не расскажу, но деваться некуда, пока ты, идиот, ещё чего не учудил. Она тебя любит, а не меня. Так прямо и сказала. Всё, будь здоров».

Витька ловко ввинтился в голову параллельного пассажиропотока и поднялся в дверь соседнего вагона. Игоря со Стасиком толпа тоже разделила десятком тётушек, громко делившихся до города своими достижениями на nive точных сроков высаживания рассады и ценами на навоз, совершенно безбожными этим летом, совершенно.

Глава 4. Люсинда

– Вешайтесь, духи, – Фрол грозно отложил ложку на край сковородки. – Вас мама не учила картошку жарить? Ты сам попробуй, Студент.

Стас попробовал, пожал плечами: ну, сыроватая чутка, да и хрен с ней, всё равно вкусная. Фролу лишь бы построжиться, хлебом его не корми, а хоть бы и жареной картошкой с тушёнкой.

– Да ладно, горячая зато.

– Не, сырая, – согласился с младшим сержантом Фроловым дедушка Пистон. – Пять минут вам довести до ума. И сахар неси, чушок, чего ты нам тут песок подсунул.

Дневальные по кухне метнулись к столу исправлять выявленные стариками косяки. Один подхватил чугунную сковороду с картошкой, другой забрал стеклянную литровую банку с сахарным песком. На покрытом клеёнкой столе сиротливо остались бутылка самогона в окружении трёх гранёных стаканов и тарелка с нарезанным хлебом – хоть здесь салабоны не накосячили, подали исключительно горбушки, как и положено.

– Стоять! – Стас ухватил духа за некогда белый полухалат, являвшийся обязательной формой одежды дневального по столовой и кухне. – Вначале стол протрите, липкий весь.

– Щас, – понятно кивнул молодой. – Я полотенцем,

быстренько. Смочу только.

Он по-вологодски растягивал букву «о», и фамилия у него была какая-то дурацкая: не то Чёртов, не то Чертков. Будет Чертилой тут, к бабке не ходи. А у второго погоняло Лысый уже устаканилось за первый месяц службы – вроде бы странно звать человека с фамилией Лысенко как-то иначе. Вряд ли Фрол с Пистоном помнили фамилии дневальных, которые ещё и прозвища в роте толком не заслужили, но Стасику, как писарю при штабе, волей-неволей приходилось запоминать ненужное.

– Давайте пока под хлеб, – ефрейтор Саня Пистунов, уже разливший первую дозу, щедро натёр горбушку крупной солью, пропел на мотив «Дня Победы». – «Мы свой дембель приближали как могли». Поехали, пацаны.

Сдвинули стаканы, опрокинули. Тут как раз и духи подошли: Лысый пошоркал стол мыльной тряпкой, насухо протёр полотенцем, выставил коробку с рафинадом, Чёрт подал дымящуюся сковороду.

– Свободны, – распорядился Фрол. – Чай заварите там, только попозже, я скажу когда.

И дневальные дематериализовались из подсобки в соседнее главное помещение кухни – к котлам на плитах и горе картофельных очисток в мусорном баке.

Картошку ели лениво, без аппетита, – скорее отдавая дань древней традиции дедов нарушать уставной порядок после отбоя, чем насыщая дополнительными калориями армей-

ские организмы. Два года назад такую сковородку еды им кто бы подарил, они бы на него молились, как на святого Николая, который, по смутным гражданским воспоминаниям Стаса, был впоследствии переквалифицирован в Санта-Клауса, или, по-нашему, в Деда Мороза.

Но то почти два года назад, когда нынешние старослужащие сами были в роли молодых и точно так же жарили по ночам для дедов картошку на кухне солдатской столовой. И тогда им за такие косяки, как липкая скатерть, могли легко выбить зуб, а то и не один, потому что в стариках у них ходили Муслим, Джаба и Агдам. Однажды Джаба, которого в действительности звали Джабраил, но во всей роте об этом знал только начинающий писарёк Стас Кружков, порвал селезёнку пацану из Перми за обнаруженную в ночной жареной картошке не говяжью, а свиную тушёнку. Молодого после госпиталя списали на гражданку, дело замяли за подержанный «мерс» комбату, как краем уха слышал в штабе Стасик.

А нынче наблюдается повсеместное смягчение нравов – не те времена пошли, не те. Впрочем, Стас по минувшим дням не ностальгировал, он принимал армейские понятия как должный порядок вещей, но сам молодых приобщал к суровой правде бытия без фанатизма, не особо вкладывая душу и тело в неизбежный воспитательный процесс. И без него хватало вкладывающих.

– Давай, Студент, сопли не жуй, – дружески пихнул Ста-

сика в плечо Пистон. – Толкни тост, чего мы тут как на поминках.

Рядовой Станислав Кружков с самого начала легко вписался в свой призыв и был сейчас вполне авторитетным дедушкой, несмотря и даже вопреки таким негативным фактам, как полтора курса университета за душой и штабную должность, позволявшую избегать нарядов в караул. Как-то так уж сложилось.

– Ну давайте, пацаны, за то, что без поминок нынче всё уже как-то идёт, – поднял стакан Стас. – Война закончилась, мы мимо неё просвистели, скоро домой. В общем, за то, что без наших фотографий на чёрной доске обошлось.

Выпили с пониманием. Доска в клубе части с портретами погибших в Чечне военнослужащих ОБМО – отдельно-го батальона материального обеспечения – насчитывала восемь портретов и была обычного белого цвета с названием красными буквами «Герои в/ч 22072». Но никто её кроме как «чёрной» не называл: ни солдаты, ни офицеры.

– А меня всей деревней провожали прямо вот на войну, – припомнил Фрол. – Телевизора насмотрелись с этими Самашками и Грозным. Мать с сёстрами обрыдались, бригадир кричал: «Отомсти там чёрным за наших, Саня! Не ссы, будь мужиком, главное, не посрами!» Пока ему, дебилу, ряшку не расквасили за громкость... А мы вот тут оказались, на Урале. Из автомата один раз стреляли после присяги. Похвастаться нечем будет.

– Я из «пээма» ещё стрелял, когда штаб в весеннюю проверку на полигон вывозили, – зачем-то вспомнил Стасик. – Секретчик дал свой, когда они уже там стол накрыли для комиссии.

– Попал в мишень-то? – заинтересовался Пистон.

– Да прям, три выстрела сделал – все мимо. Прапор отобрал, говорит «учись, как надо» и сам оставшуюся обойму в «молоко» пустил. Ну, они уже там все датые были, конечно.

– «Разложение сплошное, а не армия», как любит выступать замполит, – ухмыльнулся Лёха Фролов. – Да и хрен с ней. Пистон, наливай.

Выпили за Хасавюрт, который случился аккурат летом 1996-го и избавил их тогдашний осенний призыв от чеченской войны. Два уже года живут там чеченцы как хотят, ну и пусть себе живут, не жалко. Была б воля Фрола, Пистона и Студента, они бы их отпустили на все четыре стороны, только колючкой бы границу с Чечнёй обнесли. Лучше под током. Не желают жить в России – пусть валят на вольные хлеба. «Лишь бы не было войны», – как говорила бабушка Стаса, да и бабушки всех солдат и сержантов батальона, судя по всему.

– Духи, ко мне! – вдруг отвлёкся от разговора за политику Фрол.

Дневальные явились пред светлые, но уже не слишком трезвые очи дедов почти мгновенно.

– Смотри сюда, – приказал начинающим защитникам Ро-

дины младший сержант.

Достал монету, положил на край столешницы толщиной в три сантиметра. Завёл снизу кисть руки и щелчком подушечки среднего пальца по внутренней поверхности стола подбросил сторублёвик, поймал его в воздухе другой рукой. Известный фокус Фрола, пальцы которого умели ломать пополам ключ от замка каптёрки и делать прочие нехорошие вещи.

– Да ладно тебе, – попытался пресечь экзекуцию Стасик. – Хорошо же сидим.

– Хорошо, – согласился Фрол. – Но всякий косяк должен иметь свои последствия. Картошка сырая была? Сырая. Я забыл? Нет, не забыл. Подходи по одному.

Духи подошли, наклонили стриженные почти наголо головы. Фрол отщёлкнул каждому по фирменной «пиявке», шишки на лбах молодых сразу начали расти быстрее китайского бамбука.

– Чай неси, – отпустил дневальных Пистон. – Пять минут, время пошло.

Молодые повернулись исполнять приказ, и в этот момент загромычала громким стуком входная дверь.

– Залёт, – констатировал Лёха. – Чего ему не спится?

– Медленно, чмыри, мед-лен-но, – дал указание духам тянуть время ефрейтор Пистунов. – Нас тут нет. Давай сюда, Студент.

Отобрал бутылку у Стаса, собиравшегося спрятать её за

шкаф, разлил по стаканам остатки самогона. Выпили залпом: действительно, не пропадать же добру. Пока молодые, не торопясь, как приказано, шли открывать дверь, убрали стаканы в мойку, сели бесшумно закусывать запах картошкой. Не тариться же по углам, несолидно. Авось, пронесёт.

* * *

Из столовой донёсся глухой рык капитана Малинкина: «Спите тут, говноеды?» Вероятно, говноеды ответили на риторический вопрос уставным «никак нет!», но до кухни доносился только голос дежурного по части, который не то чтобы его намеренно повышал – просто была у него такая природная тональность, закреплённая годами учёбы в Ярославском военном финансовом училище. И вообще, начфин батальона (или попросту Финик) давал сто очков форы любому ротному в знании и почитании Устава гарнизонной и караульной службы, честь отдавал с особым лихим шиком, с видимым удовольствием печатал парадный шаг при вызове из строя на плацу и имел фуражку особого фасона, специально пошитую в столичном Военторге. С таким набором офицерских качеств трудно быть любимцем воинского коллектива – хоть в десантуре, хоть на флоте, хоть в пехотном ОБМО. Финик им и не был, мягко говоря. Нужно отдать должное капитану Малинкину – он отвечал воинскому коллективу взаимностью. Так или иначе, но худшего варианта для залёта

трудно было найти во всей дивизии.

Шаги дежурного по части приближались к месту дислокации потенциальных залётчиков неотвратимой тяжёлой поступью Командора. И когда они уже замерли перед дверью на кухню, в столовой раздался металлический грохот, усиленный ночной пустотой большого гулкого помещения. Раздался рокот гнева небесного: «Вы там, блядь, охуели, что ли!» И поступь сменила поступательный вектор движения строго на противоположный. Какое-то время из столовой доносились увещательные слова «гондон рукожопый», «перхоть мандячья», «чмо тупорылое», затем входная дверь хлопнула, и за стенкой на кухне вежливо зашебуршали тихими голосами вернувшиеся дневальные.

– Оба ко мне! – повысил голос младший сержант Фролов.

Духи материализовались в подсобке. У обоих лиловели шишки на лбах от фроловского перста возмездия, но других заметных изменений портреты дневальных после свидания с Фиником не претерпели.

– Доклад по форме, – отдал приказ старший по званию среди присутствующих и ткнул пальцем в Лысого. – Ты.

– Ну, мы, когда дверь открывать шли, договорились, что если дежурный на кухню пойдёт, то я с ним, а Серёга питьевой бак опрокинет, – заторопился объяснять молодой. – Так и сделали.

– Товарищ младший сержант, – напомнил Пистон.

– Так и сделали, товарищ младший сержант, – поправился

Лысый.

– Кто эту хрень придумал? – спросил Стас.

Дневальные молчали, переминаясь с ноги на ногу. Потом Чертила выдавил из себя:

– Я, товарищ рядовой.

Деды взоржали: «товарищем рядовым» Стасика в роте ещё никто не называл.

– Ну и молодец, – невозмутимо дал оценку сметливому бойцу «товарищ рядовой». – Зачёт тебе. Обоим зачёт. Чай несите и масло.

Счастливые салабоны ушмыгнули за дверь. «В людскую», – вытащило зачем-то подсознание одну из забытых странных метафор студенческой молодости Стаса. В «барской» же расслабленные мужчины последнего срока службы в очередной раз вернулись к существенному разговору.

– Вот здесь набьёшь, – Фрол демонстрировал ефрейтору оголённое плечо. – Чтоб отсюда и досюда.

– Ну вот на хрена она тебе? – в сотый раз пытался отказаться штатный татуировщик роты Пистон. – В прошлый раз же решили, что я тебе лучше «эфку» набью, как у Гиви. И от чеки по кругу «Урал...». Как там дальше, Студент?

– «Урал. Годы. Жизнь. 1996–1998».

– Ну. Красиво же, – подтвердил ефрейтор.

– Передумал, не хочу. Я лучше Стасика послушаюсь.

Этот спор длился уже второй месяц. У Лёхи Фролова в его почти добитом экономикой свободной России совхозе «Под-

горский» жила подруга Людка, почтальонша на несколько окрестных деревень, которая обещала на проводах ждать его два года. И Фрол решил перед дембелем отблагодарить её за верность слову лёгким членовредительством в виде красивой татуировки «Люсинда», которую он хотел то на кисть, то на грудь, теперь вот решил на плечо.

И всё бы ничего, только пару месяцев назад младший сержант случайно встретил в чипке землю из арtpолка, который и сообщил, что Люська живёт с новым зоотехником, приехавшим из района уже после прибытия Лёхи в гвардейскую Краснознамённую 164-ю мотострелковую дивизию. Тогда Фрол передумал и заказал Пистону трафарет гранаты, с соответствующей надписью, придуманной Студентом.

Но в назначенный день праздничной экзекуции организма Лёха получил письмо, где Людмила называла зёму из арtpолка «завистливым козлоёбом», выдумавшим всё от начала и до конца за то, что она ему не дала прошлой осенью на свадьбе у Ленки-продавщицы из Рухлово, а зоотехник новый в городе учился и на местных смотрит свысока, да и не интересен он ей, заморыш, она своего Лёшеньку ждёт не дождётся, и пусть он никого не слушает, а служит хорошо и спокойно, потому что впереди у них долгая счастливая жизнь, и что если у кого и появился кто новый, так это у учительки Ритки теперь роман с бригадиром Стосовым, который жену бросил с двумя детьми, – ну, там дальше неинтересно.

И Фрол снова решил украсить себя «Люсиндой», но Саня

Пистунов решительно отказался, сообщив, что знает он этих баб: им наврать – что масло в картере поменять, и потому не желает, чтобы Лёха потом сводил себе ставшую ненавистной татуировку, поскольку любому мастеру жалко, если его творение отправляют на свалку истории. И младший сержант Фролов вновь вернулся к теме гранаты Ф-1, но Пистон заступал в караул, и торжественный процесс нанесения графического изображения на кожу подопытного организма был отложен на пару дней.

А потом друзья посвятили в сложную жизненную коллизию Студента и потребовали от него, как человека в высшей степени образованного и читавшего «Ромео и Джульетту», помочь Фролу сделать окончательный выбор между романтикой любви и романтикой арсенала противопехотного оборонительного боя.

Студент вспомнил светлый образ своей одногруппницы Юли Жмейчик, вышедшей замуж в самом начале второго курса за тупого гандболиста Кравчука, и так и не узнавшей о тайной в неё влюблённости Стасика Кружкова. Жалел бы он о татуировке в честь дамы своего сердца, отдавшей предпочтение другому? Пожалуй, нет: страдание облагораживает, а вечное напоминание о собственных моральных терзаниях делает человека чувствительным к страданиям других, гарантируя ему светлый путь искреннего сочувствия к окружающим индивидуумам. И неважно, праведный образ жизни вела твоя избранница или наоборот, – единственным мери-

лом решительных поступков должно быть только твоё чувство, а не мнение толпы или всякого там социума.

– Примерно так, – завершил свою мысль философ второго года службы, выбросив бычок в центральную круглую урну солдатской курилки.

– Зашибись ты умеешь, Стасик, – одобрил вербализацию сути межгендерных отношений младший сержант Фролов. – То есть ты точно уверен, что Люсинда не дала этому зоотехнику?

Стас подумал, что армия действительно высокая школа жизни, но не стал возражать по существу:

– Точно. Зря переживаешь.

Он действительно верил, что неизвестная ему Людмила из села Подгорское честно ждёт из армии Лёху Фролова, потому что при прочих равных всегда нужно выбирать оптимистический вариант, чем загоняться в тревожные чёрные мысли. Тем более в условиях, когда человеку взять в руки автомат, как два пальца о замок оружейной комнаты, хотя Фролу хватило бы и одного. Так что лучше так, чем эдак.

– А я не согласен! – упёрся чёрствый к человечеству Пистон. – Гуляет твоя Люська там направо и налево, зря ты зёме своему не веришь. Вон кого хочешь из роты возьми, каждый тебе такую историю расскажет. И все «эфку» хотят, а не баб этих. И я тебе гранату согласен набить хоть завтра, достал ты меня со своей Люсиндой.

– А вот так? – спросил Фрол и взял двумя пальцами Са-

нину ладонь.

Пистон скривился от боли, но от правды жизни не отказался. И тогда Стасик с младшим сержантом стали вдвоём рассказывать ефрейтору о том, что нужно лучше думать о людях, что Людмила хорошая и верная баба и что все зоотехники козлы, в кого ни плюнь. И Пистон почти уже с ними согласился, но к курилке приближался нетрезвый с обеда начштаба батальона, и военные от греха подальше срочно покинули узаконенное уставом место перекура рядового и сержантского состава.

* * *

Тем временем чай деда уже допили, бутерброды с маслом оставили дневальным в знак поощрения за приключение с капитаном Малинкиным, а дискуссия на тему «граната против Люсинды» так и не пришла к резюмирующей части. И тут Фрол решил обратиться за помощью к коллективу.

– Духи, ко мне! – воззвал он в пространство.

Молодые срочно предъявили старослужащим помятые заспанные лица.

– Взяли табуретки, сели в ряд, – дневальные аккуратно исполнили непонятный, не сулящий ничего доброго приказ. – Раскрыли уши, слушаем. Будете этими, как их, которые в суде...

– Присяжными, – понял идею Стас.

– Вот именно, – подтвердил Фрол, отмечая лёгкую панику духов. – Это у нас будет прокурор, это адвокат. И не ссыте, никто вас тут сегодня пальцем не тронет. Поехали. Начинай, Пистон.

Дедушкам понравилось свежее весёлое развлечение, придуманное младшим сержантом.

Вначале выступил с обвинительной речью Саня Пистунов, сообщивший высокому суду о низком, сука, моральном облике гражданских женщин вообще и почтальонши Людмилы в частности. Отдельно прокурор остановился на непревзойдённой элегантности изображения ручного метательного боезаряда Ф-1 в противовес сложности нахождения портретного сходства по фотографии посредством несовершенной татуажной машинки, изобретённой из механической бритвы «Спутник», и что некоторые не ценят труд художника, а наоборот, обещают потом вырвать ему, блядь, руки и нанести прочее членовредительство, ну пусть сами тогда берут и делают, и понятно, что граната на плече всяко красивше, чем чей-то портрет, потому что «эфка» навсегда, а женщины не вечны в жизни любого мужчины, сами подумайте.

В защиту варианта Люсинды адвокат Студент привёл примеры из жизни Пушкина, Дездемоны и героини актрисы Джинн Триплхорн из «Основного инстинкта», а также вспомнил стихотворение Симонова «Жди меня» и рассказал присутствующим о том, что любовь такая штука, ради которой не жалко не только собственной кожи, но нередко и жиз-

ни, и что фроловская Людмила конечно же ему верна, за что обязательно должна быть запечатлена на теле воина, охранявшего мир в стране и в совхозе «Подгорский» в частности, и о том, как Фрол с Людмилой выйдут на песчаный речной пляж («Пруд, – поправил Лёха. – У нас пруд. Но большой»), а там все увидят на нём портрет Люсинды и станут завидовать, потому что любовь и верность всегда должны быть вознаграждены.

– Вот так вот, – подвёл черту судья Фролов. – У вас всего два варианта: «эфка» или «Люсинда». Как там тебя?

– Рядовой Чертков, – подскочил с табуретки рядовой необученный присяжный.

– Давай, Чёрт: граната или Люсинда?

Дух опасливо ощупал глазами странных сегодня старослужащих и выдавил из себя:

– Граната.

– Товарищ младший сержант, – Пистон сегодня был терпелив до невозможности.

– Товарищ младший сержант, – торопливо повторил рядовой Чертила.

Прокурор ему довольно подмигнул.

– Ладно, теперь ты, – обратился ко второму присяжному Фрол.

– Рядовой Лысенко, – представился по форме дух. – Граната, товарищ младший сержант.

Довольный Пистон и ему показал большой палец.

– Садись, Лысый. Или не садись – всё, свободны оба. Прибрать тут за нами не забудьте потом.

Дневальные покинули зал судебного заседания. Время подходило к двум часам ночи.

– Ладно, пошли спать, пацаны, – предложил Фрол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.